
Огонек
19



21 июня школьники Москвы весело отпраздновали в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького окончание учебного года. На снимке: Группа пионеров, отличников учебы, принимавших участие в празднике. Справа налево: Галя Культиясова и Оля Евдокимова (1-й ряд); Лиля Лавинская, Артур Штоколов и Мая Яхонтова (2-й ряд); Вова Пономарев, Варя Родченко и Нина Прохорова.

Фото Е. Игнатович.

На обложке: Тактические занятия Н-ской части Московского военного округа. Охрана десантной переправы. Фото Ник. Соловьева. На последней странице обложки: Туристы на Военно-Сухумской дороге. Фото Мих. Грачева.

15-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



№ 19 (706) 10 июля 1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

ВЫБОРЫ В КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

Выборы в Верховный Совет СССР и Верховный Совет Карело-Финской ССР ознаменовались еще одной блестящей победой нерушимого сталинского блока коммунистов и беспартийных. За кандидатов этого блока голосовало 98,48 процента общего числа избирателей, участвовавших в голосовании. Лучших своих сынов, мужественных борцов за народное счастье, Тойво Антикайнена, Отто Куусинена, Адольфа Тайми и других замечательных людей избрал карело-финский народ в Верховный Совет СССР и в свой верховный орган, созданный на основе Сталинской Конституции.

Большие и благородные задачи стоят перед депутатами Верховного Совета Карело-Финской Республики. Своим беззаветным служением народу они должны крепить и пестовать молодую республику, помогать дальнейшему укреплению мощи и могущества любимой родины — великого Советского Союза.

Фото Н. Алексеева, В. Иванова и Я. Роскина (ТАСС).







Вверху: На избирательном участке № 35, на станции Петрозаводск. Семья железнодорожника Ф. П. Прихно выходит после голосования из помещения избирательного участка. Слева направо: сын Виктор — шофер, дочь Галина — ученица 10-го класса, жена—Вера Михайловна Прихно, Федор Петрович Прихно, дочь Женя—студентка пединститута, сын Александр — слесарь.

Внизу: В 29-м избирательном участке Прионежского округа экипаж, награжденный орденами и медалями, голосует за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Слева направо: техник А. К. Федоров, награжденный медалью «За отвагу», командир эскадрильи Ф. С. Хотминский, награжденный орденом «Красное знамя», и штурман А. И. Дуркин, награжденный орденом «Красная звезда».

Слева: Молодые избирательницы города Выборга, голосующие впервые и первыми пришедшие голосовать в 5-й избирательный участок Выборгского избирательного округа № 106. Слева направо: комсомолки, телефонистки Выборгской телефонной станции, Шура Смирнова и Аня Исаенко, экономист Горторга Надя Лузгина и лаборантка городской поликлиники Аля Белоусова.

ВОЙНА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

НА СНИМКАХ:
1 и 2. Англия — осажденная крепость. Усилена охрана железных дорог, тоннелей, мостов. Всюду проволочные заграждения, баррикады из мешков с песком, вооруженные до зубов часовые. Даже в Лондоне правительственные здания окружены заборами из колючей проволоки.

Война сопровождается огромными опустошениями. На снимках: 3. «Улица» в Валансьене, в Северной Франции. 4. Это все, что осталось от города Стенкьер, в Норвегии. 5. Бездомные — обычное зрелище в городах Северной Франции.



СОРОК ШЕСТЬ ДНЕЙ. 25 июня в 1 час 35 минут по среднеевропейскому времени (2 часа 35 минут по московскому времени) были прекращены военные действия во Франции; установлено перемирие на условиях, предложенных германским и итальянским правительствами. Соглашение о перемирии было подписано в Компьенском лесу 22 июня в 18 часов 50 минут германским уполномоченным генерал-полковником Кейтелем с одной стороны и французским уполномоченным генералом Хюнтцингером — с другой стороны.

Напомним, что с момента начала активных военных операций в Западной Европе и до установления перемирия на франко-германском и франко-итальянском фронтах прошло 46 дней. Германские войска перешли границу Голландии, Бельгии и Люксембурга 10 мая в 5 часов 30 минут утра. В тот же день в Бельгию, а отчасти и в Голландию вступили англо-французские войска. Борьба сразу приняла решительный и ожесточенный характер. 14 мая капитулировала голландская армия. 17 мая пал Брюссель, оставленный без боя бельгийской армией. 15 мая немцы заняли Седан, вступили на территорию Франции и крупными силами устремились через реку Маас к Амьену и далее, к побережью Па-де-Кале, с целью разорвать фронт союзников и разбить их по частям. 21 мая германские бронетанковые и моторизованные части вышли на побережье, одновременно отбросив войска союзников к рекам Маас и Эн. Военные действия сосредоточились во Фландрии. 28 мая капитулировала бельгийская армия. 3 июня, после отчаянного сопротивления, войска союзников сдали Дюнкерк. Английская армия эвакуировалась в Англию.

5 июня германские войска перешли в наступление на фронте вдоль Соммы и Эн. После 9 дней упорного сопротивления французские войска отошли на юг, оставив Париж без боя. 10 июня Италия объявила войну Англии и Франции. 14 июня в Париж вступили германские войска, которые дальше уже не встречали организованного сопротивления французов (за исключением укрепленных районов линии Мажино). К 22 июня, дню подписания перемирия, приблизительно $^{2}/_{3}$ Франции были заняты германскими войсками.

Ал. Хамадан

ГЕРОИЧЕСКИЙ НАРОД

В ночь с 7 на 8 июля 1937 года японская военщина, спровоцировав очередной «инцидент» на мосту Марко Поло, вблизи Люкоуцзяо, начала широкие военные операции в Северном Китае. «Инцидент» этот, как и все прочие подобные ему провокации, явился лишь поводом для реализации обширных замыслов японского империализма: покорить Китай, превратить его в гигантскую японскую колонию.

Японские империалисты уже десятки лет лелеют план создания могучей азиатской империи, корону которой украсила бы такая драгоценная жемчужина, как Китай. Подготовка к осуществлению этих планов породила в Японии специфическую идеологию грабежа и насилия, наиболее ярко выраженную в так называемом лозунге «Азия — для азиатов». Бойкие писаки токийского генштаба даже создали «теорию» об «исторической миссии Японии», призванной объединить под своей эгидой всю Азию.

В специальной брошюре капитана Сато — «Миссия Японии — руководство Азией», — приравненной к учебникам для японских средних школ, написано:

«Азиат с давних пор является творцом великой духовной культуры. И Христос, и Сакия Муни, и Конфуций были азиатами. Эта духовная культура... ярко сияет и только вследствие географического положения и недостатка путей сообщения задерживается в одном месте и в конце концов приходит в упадок... Восстановим же азиатский престиж для азиатов! Манчжурия и Монголия являются жизненной артерией Японии, поэтому Япония и выступила. Но наше поле зрения не ограничивается только Манчжурией и Монголией. Наше поле зрения должно распространиться на всю Азию. Китай, блуждающий в обмане Европы и Америки, должен также проснуться...»

Мечта о мировом господстве, мечта о бешеных колониальных сверхприбылях не давала покоя японскому империализму. Японские генералы представляли себе Китай как базу, трамплин к мировой гегемонии. Уже в 1936 году в Японии были открыты все шлюзы военно-шовинистической пропаганды. Японская военщина полностью проявила свойственные ей цинизм и высокомерие. Слова «война», «победа», «завоевание» не сходили со страниц японской печати. В карикатурах Китай изображался хилым ребенком рядом с великаном-самураем. Один японский солдат, как убеждала газета «Кокумин», способен уничтожить китайский полк! Но рекорд невежества и высокомерия поставил опьяненный высокими гонорарами известный японский военный публицист Синсаку Хирата.

«Если китайская армия, — писал он в своей книге, — будет кричать о длительном сопротивлении Японии... то трудно сказать, какой страшный конец для нее может наступить. Поэтому я предупреждаю: Китай, не воюй с Японией! Сними перед Японией шапку!!

Но если он будет упорствовать и во что бы то ни стало пожелает длительно сопротивляться Японии, то ничего не поделаешь. Это будет окончательной гибелью Китая».

●

Несмотря на то что угроза японского вторжения была постоянной и реальной, война застала Китай врасплох, не подготовленным к серьезному сопротивлению. Ряд китайских деятелей, отдельные политические группировки считали все еще возможным, даже когда уже начались военные

Отряд китайской кавалерии. На снимке вверху: Мао Цзе-дун (справа) — вождь китайских коммунистов.



Командующий 8-й армией Чжу Дэ.

действия, «мирным путем — новыми уступками — договориться с Японией». Но Япония претендовала на весь Китай и не пожелала вступить в дипломатические переговоры, поскольку «речь идет не о мелких претензиях, а о коренном изменении порядка в Восточной Азии» (газета «Асахи»).

Перед лицом смертельной опасности, нависшей над Китаем, две его важнейшие, основные политические партии — гоминдан и коммунистическая партия — пришли к соглашению. Был положен конец гражданским и милитаристским войнам, раздиравшим и ослаблявшим страну в течение многих десятилетий. По инициативе компартии был создан единый антияпонский национальный фронт, впитавший в себя все силы китайского народа. Решительным образом были реорганизованы все военные силы страны и сведены в единую национальную армию. Дальнейшая ее реорганизация способствовала установлению единого, централизованного командования. Армия стала снабжаться однотипным оружием взамен разношерстного и устаревшего. Вместо системы комплектования армии наемными солдатами была установлена всеобщая воинская повинность.

Высокий национальный подъем втянул в активную политическую жизнь, в активную борьбу с иностранными поработителями многомиллионные массы китайского народа. «Каждый, кто считает себя китайцем, — на войну за спасение родины и народа от японской кабалы!» — этот боевой лозунг единого национального антияпонского фронта проникал из города в город, из одной деревни в другую. Сотни тысяч рабочих, крестьян, студентов, учителей, актеров, профессоров, писателей, торговцев, предпринимателей устремились в армию. Не хватало оружия, чтобы снабдить им всех желающих отправиться на фронт.

Однако сотрудничество гоминдана и компартии, сплочение сил китайского народа в едином национальном антияпонском фронте, создание единой национальной армии — все это только наполовину обеспечивало успешное сопротивление полчищам японского империализма. Необходимо было создать мощную экономическую базу отечественной войны китайского народа и организовать бесперебойное снабжение фронтов, независимо от ввоза из-за границы, новейшим вооружением, боеприпасами, продовольствием и иным военным снаряжением. Это неслыханно трудная задача решалась в процессе самой войны.

Потеря крупных экономических центров, таких, как Шанхай, Ханькоу, несомненно, ослабляла Китай, но не в такой степени, как на это рассчитывали японские генералы. Правительству национальной обороны во главе с Чан Кай-ши быстрыми и решительными мероприятиями удалось эвакуировать из этих центров всю важнейшую промышленность. Например из Шанхая было эвакуировано более 160 крупных фабрик и заводов со всем оборудованием; из Ханькоу — более 100 предприятий; из Циндао, Нанкина, Уси — 50; из провинции Гуандун — 200 и т. д. Всего из различных городов и провинций было эвакуировано более 1000 фабрик, заводов, арсеналов, электростанций.

Вся эта огромная масса промышленных предприятий была переброшена в отдаленные провинции северозапада, запада и югозапада Китая. Здесь, в этих районах, была размещена эвакуированная промышленность, на базе которой стали быстро расти новые фабрики и заводы. Следует отметить, что Китай, который не имел до войны собственного самолетостроения, ныне создал, помимо авиосборочных заводов, и заводы, строящие самолеты. Война, отрезавшая Китай от морских сообщений, способствовала ускоренному развитию конструкторской мысли. Сейчас китайские инженеры создают станки, машины собственной конструкции.

Коренным образом были перестроены финансовая и налоговая системы. Взамен разнообразных денежных знаков, имевших хождение только в одном каком-нибудь районе, установлен единый для всей страны денежный знак. Отменены сотни паразитических и произвольных налогов. Введены налог на сверхприбыль и прямой подоходный.

Правительство национальной обороны приступило к созданию мощной экономической базы отечественной войны, чтобы отсутствие иностранного импорта не могло повлиять на ход борьбы. Таким образом, Китай ныне значительно укрепил не только свою оборону, но и приобрел силы для постепенного перехода к контрнаступлению против японской армии. После трех лет войны Китай располагает возросшими материальными средствами, обученными людскими резервами, проникнутыми высоким сознанием долга — служения родине и народу. Эти решающие факторы, наряду с дальнейшим укреплением единого национального антияпонского фронта и беспощадной борьбой со всеми предателями и капитулянтами, обеспечивают успех и окончательную победу китайского народа над его врагами.

●

Итоги трех лет войны с Китаем весьма неутешительны для японского империализма. Планы «молниеносной войны», разработанные токийским генштабом, позорно провалились. Вместо трех месяцев война длится уже три года, только теперь вступая в решительный этап.

Война в значительной степени растрясла стратегические запасы Японии, подорвала ее хозяйство, опустошила казну. Три года войны стоили Японии 21 600 миллионов иен! Японская армия понесла в Китае грандиозные потери людьми: до 1,5 миллиона солдат и офицеров убитыми, ранеными, погибшими от эпидемии и пропавшими без вести.

Японские генералы вынуждены признать, что война с Китаем «приняла неожиданно тяжелый и упорный характер. Война эта будет длительной».

Японский премьер Ионай, выступая 15 мая текущего года на конференции начальников полиции, вынужден был признать, что «до окончательной победы еще очень далеко... Для того, чтобы поддержать престиж нации и достичь конечной цели похода в Китай, необходимо поставить всю нацию на военную основу».

Больше того, военный министр Японии генерал Хата в своей речи заявил: «Сейчас положение таково, что дальнейшее развитие Японии имеет одинаковые шансы как в сторону подъема, так и в сторону падения империи». Знаменательное признание!

На первом этапе войны в Китае японская армия успешно продвигалась вперед, занимала крупные города, все более и более углублялась в страну. Японским генералам казалось, что после захвата Шанхая, Нанкина, Ханькоу судьба Китая будет окончательно решена: правительство Китая капитулирует на любых условиях, продиктованных Токио. Действительность опрокинула все эти японские расчеты. На подступах к крупным центрам Китая японская армия потеряла значительное количество солдат и офицеров (например пятимесячные бои за Ханькоу стоили Японии 300 тысяч человек). Линии японских фронтов, удаленные от баз снабжения боеприпасами и провиантом, растянулись на несколько тысяч километров. Это неизбежно привело к ослаблению японского наступления. Уже в начале 1940 года японская армия с большими потерями переходит от наступления к обороне на ряде важнейших участков фронта. Японская армия теряет инициативу, резко снижаются боеспособность и моральное состояние войск.

В этих условиях японская военщина вновь выдвигает старый коварный план — «покорить Китай руками китайцев». План этот рассчитан на подрывную деятельность японских шпионов и диверсантов, предателей типа Ван Цзин-вея. Однако и это не приносит удачи японским империалистам. Уличенный в предательстве, Ван Цзин-вей бежит к японцам. Попытка изнутри расколоть единый антияпонский фронт китайского народа провалилась.

Токио делает новую ставку. Японская военщина организует так называемое «правительство» Ван Цзин-вея, рассчитывая противопоставить его правительству национальной обороны, возглавляемому маршалом Чан Кай-ши. Токио возлагает на предателя Ван Цзин-вея большие надежды: он должен создать «национальную китайскую армию» в составе 20 дивизий и бросить ее на фронт в помощь японским войскам. Кроме того он обязался выкачать из Китая всю сумму японских военных расходов — более 20 миллиардов иен! Ван Цзин-вей послушно подписал «договор», предложенный ему японскими генералами, в силу которого весь Китай, со всеми его ископаемыми богатствами, армией, финансами, внешней и внутренней политикой, ставится под контроль Японии. Иными словами, договор этот превращает Китай в японскую колонию, наподобие Кореи.

Жалкая группка предателей, объединяемых Ван Цзин-веем, не пользуется в китайском народе ни авторитетом, ни уважением. Единственной реальной опорой Ван Цзин-вея являются японские штыки. Самый факт создания нового марионеточного правительства — яркий показатель слабости Японии. «Кабинет» Ван Цзин-вея — это еще один мыльный пузырь японского империализма.

Итоги трех лет отечественной войны великого китайского народа совершенно очевидно свидетельствуют о том, что у Японии нет и не может быть будущего в Китае. Итоги этих трех лет показали, что великий китайский народ полон сил и уверен в своей окончательной победе над своими заклятыми врагами.



Командир одной из частей китайской армии раздает агитационную литературу крестьянам прифронтовой полосы.

Фото Р. Кармен (ТАСС).

НОВЫЙ ТОВАРИЩ

Лиу Чжан

Ночь становилась все темнее, когда мы двинулись вперед, вниз по склонам холмов. Пламя пожара над городом Гуанян полыхало черновато-желтыми языками. Когда мы подошли к месту сражения, пропал прибычный запах сена и амбаров, наши ноздри вдыхали прогорклевато-сладкий запах крови и пороха. Сердца наши стали холодными, как снег, хрустевший под усталыми ногами.

Бой начался в три часа дня, теперь же с холмов, по которым отступали японцы, раздавались только случайные орудийные выстрелы. Наш победоносный отряд преследовал врага в западном направлении, между тем как другие отряды занимали окрестные холмы. Вчера японцам удалось было захватить Гуанян, но мы напали на них в противолежащих горах, выманили оттуда и к концу дня заставили отступить. А когда вечер спустился на склоны гор, наши войска вошли в город.

Наш маленький отряд, состоявший из нас, восьми политработников во главе с комиссаром, и нескольких солдат, имел задание — отыскать всех японцев, быть может, нарочно оставленных в тылу армии. Приказ комиссара гласил: «Пленных брать живыми, ни в коем случае не убивать».

Мы двигались в облаках дыма, обыскивая одну улицу за другой. Затухавший мало-помалу огонь еще достаточно ярко освещал улицы. Но никаких следов японцев не было видно, разве только бесчисленные трупы крестьян, валявшиеся повсюду. Во всем городе не было ни души. Главный комиссар дал сигнал прекратить поиски, выстрелив два раза в воздух из револьвера.

Мы смертельно устали и решили отдохнуть в одной жалкой хижине, уцелевшей от огня. Она больше походила на нору чем на жилище.

Каждый, долгое время служивший в армии, становится очень осторожным. Перед тем как переступить через порог, комиссар осветил хижину быстрым блеском своего карманного фонаря. В глубине что-то двигалось.

Это был человек.

Комиссар громко крикнул на японском языке:

— Сдавайте ваше оружие! Мы вас не убьем! Мы китайские солдаты!

Ни звука в ответ. Гробовая тишина царила в хижине. Комиссар шагнул вперед и опять зажег фонарь. Мы увидели ружье, направленное на нас. Один из солдат схватил его за дуло, а мы крикнули разом на японском языке:

— Китайская армия всегда хорошо обращается с пленными!

Между тем нашим войскам удалось окончательно ликвидировать пожар, и кругом стало совсем темно. Даже на небе не виднелось ни одной звезды. В хижине попрежнему было тихо. Нам надоело ждать. Комиссар с револьвером в руке вошел в хижину. Мы последовали за ним.

Японец был бел, как стена. Мы слышали, как зубы его стучали от страха. Длинные волосы не покрыты. Он не был похож на солдата. Комиссару стоило больших трудов уговорить его отдать большой меч, висевший у него на боку. Позже мы узнали, что японцы очень чтят этот самурайский меч, которым они командуют.

Никто из нас свободно по-японски не говорил, и мы объяснялись с пленным при помощи китайских букв. Сначала комиссар спросил его, почему японцы напали на Китай. «Потому что вы варвары», — ответил тот. Потом он написал: «Ведь ваши войска первыми напали на нас сегодня».

Комиссара не смутила неосведомленность японца, и он продолжал беседовать с ним, задавал ему много вопросов. Наконец, японец написал: «Все, что я вам отвечал, говорят наши авторитеты. Я сам ничего не знаю».

Наш пленник был хорошо воспитан и понимал толк в классической китайской поэзии. В его записной книжке мы нашли стансы под заглавием «Прощай, родина!»

«Вся моя жизнь осталась на родине,
Я по морю плыву, туда, где конец горизонта,
О, брат и сестра, вы не поняли мое сердце!
Вы держали меня за рукав, говоря:
«Когда ты вернешься?»
Острый меч на боку — символ моей воли.
Я хочу бороться против чертей и смотреть в голубое небо.
О, я оставил родителей дома в слезах —
Что ждет меня на родине?»

В эту ночь пленник остался с нами, а на следующий день мы взяли его с собой на массовый митинг в Гуанян. Солдаты и местные жители сразу окружили нас, крича и угрожая японцу. Мы их с трудом успокоили. Этот инцидент очень обеспокоил пленного, и он попросил на ломаном китайском языке, чтобы мы разрешили ему переодеться в другое платье. Мы дали ему форму и кепку с национальным значком: белая звезда на синем поле.

В Гуаняне мы оставались два дня. Перед отъездом я получил от японца такую записку:

«Я приказываю Чжу Дэ приготовить для меня жареного цыпленка».

Эту записку я отослал в главный штаб. Через некоторое время начальник административного управления прислал жареного цыпленка и попросил меня при передаче его японцу добавить несколько слов от его имени.

Японец имел странную манеру обедать. Он отделил самые лучшие куски и к остальному даже не притронулся. Когда он кончил есть, я сказал ему:

— Генерал Чжу Дэ командует 8-й народно-революционной армией и не имеет времени заниматься снабжением. В следующий раз обращайтесь прямо в административное управление.

Японец покраснел.

●

В январе мы дошли до Люфына. В одной из деревень около города я опять встретился с японцем. Прошло только два месяца, а он уже выступал перед толпой жадно слушавших китайцев. Японец казался еще очень застенчивым, говорил тихо, опустив голову. Я в этот день был очень занят и не успел с ним поговорить.

После этого я опять не слыхал о нем месяца три. Я находился с армией в западном Шаньси и в апреле отправился дальше. На прощание главный комиссар попросил меня написать ему о работе в арьергардах. Скоро я достиг Яньань. Я написал ему следующее:

«Товарищ Чен!

Я прибыл сюда позавчера, после того, как 14 дней проходил пешком. Я очень устал, так как всю прошлую ночь совсем не спал, а болтал с одним другом.

Вы, вероятно, очень удивитесь, когда узнаете, что этот друг — наш пленный японец. Я встретил его в политическом отделе. Он совсем изменился: потолстел, на щеках румянец, — и он в очень хорошем настроении. Он тепло пожал мне руку.

Он говорит уже немного по-китайски и называет меня «товарищ». Он много спрашивал о фронте, несколько раз упоминал ваше имя и сказал мне, что хочет написать вам письмо, так как надеется вступить в нашу часть. Сейчас ему делать нечего, и он каждый день играет в покер с «маленьким чертенком»[1]. А сам он говорит: «Яньань — действительно очень хороший город».

Сегодня он выступал на массовом митинге. Я тогда вспомнил его первое выступление в Люфыне. Совсем другой стал человек. Он проклинал милитаристов и капиталистов своей родины и был не менее взволнован чем мы. И, представьте себе, ему аплодировали даже сильнее чем нашему комиссару.

Очень часто приходят иностранные корреспонденты, чтобы с ним поговорить. Он даже бывает сильно занят: дает интервью, говорит речи.

Напишите ему письмо. Он будет очень рад. Я знаю, что все здесь описанное вам понравится. Мы все помним ту ночь в Гуаняне и очень горды тем, что там случилось.

С национальным приветом
Лиу Чжан».

Перевела с английского
Э. КОРИНЕЦ

[1] Так в 8-й народно-революционной армии называют ординарцев.

Лев Озеров

* * *

Ветром относит осину
В тусклую синеву,
Трепетный верх запрокинут
В береговую траву.

Листья со светлой изнанкой
Ветви свои теребят.
Дерево на полустанке,
Я не забуду тебя.

С ветром летящее в вечер,
Гнущееся в дугу,
Что-то в тебе человечье,
Дерево на лугу.

Как бы тебя ни ломало
Ветром или дождем, —
Все тебе будто мало,
Все тебе нипочем!

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ

Сто лет назад, 21 июня 1840 года, родился один из выдающихся представителей грузинской литературы, крупнейший деятель национально-освободительного движения Грузии Акакий Церетели. Церетели творил в трудное время, когда его родина была задавлена колонизаторской политикой самодержавия, его народ был замучен царским произволом. Беспредельной любовью к родной Грузии проникнуто творчество поэта. В своих стихах Церетели призывал грузинский народ к борьбе против рабства. Он верил в освобождение своего народа. Он с великой радостью встретил революцию 1905 года.

В стихах, рассказах, повестях, драмах, фельетонах Церетели откликался на волнующие, злободневные темы — его творческий путь отмечен огромной популярностью среди трудящихся, для которых он писал. Мы помещаем два стихотворения Акакия Церетели.



Акакий Церетели.

НОВЫЙ ПУТЬ

Муза, я тебя в обмане
Не сумею упрекнуть
За указанный тобою
Трудный мой тернистый путь.

Благодарен я — слепому
Мне глаза открыла ты.
Но и зрячему дороги
Не найти из темноты.

Что ты скажешь, что услышишь,
Что увидишь здесь и там?
Для чего зеницам — зренье,
Слух — ушам, слова — устам?

Знаю родину прекрасно,
Исходил я все края,
За глаголение правды
Натерпелся много я.

Здесь двуличье — это мудрость,
Рабство признано умом,
И победа остается
За пройдохой и лжецом.
Лестницей — мостом бывает
Для карьеры брату брат.
Сын отца, супруг супругу
Предают, продать хотят.
Свод законов фарисеи
Держат здесь в руках, как сеть,
Чтобы сильным лицемерить,
Чтобы слабых не жалеть.
Исстрадался землепашец,
Всем нелюб. Он гол, разут.
Он обязан всем. И шкуру
Подло с бедного дерут.
Но кто даст сказать об этом?
Муза! Ждешь напрасно ты.
Срок пришел за дело браться,
Ни к чему слова, мечты.
Наш унылый труд подобен
Пляске старца... Ты поверь:
Нет сегодня прежней прыти;
Завтра хуже, чем теперь.
Пусть опять года бездомья,
Муза, ты упорной будь.
Нас, пока остались силы,
Не пугает новый путь.

1880, 3 сентября

СЕРДЦЕ ПОЭТА

Поэта сердце! В нем
Всегда игра с огнем,
Оно подобно морю.
Кипенье волн крутых!
Возносит море их
И непогоде вторит.
Свирепый рев и гам
Не только берегам,
Но небу угрожает,—
В безумии морском
Кружащую волчком,
Ладью — уничтожает.
Не лучше ль, слабой, ей
Укрыться от зыбей
У берега родного?
А море пусть громит
Береговой гранит
И замирает снова!
Когда в груди морской
Мечтательный покой
Возникнет снова, кроткий,
И станет вновь светло,—
Тогда бери весло,
И путешествуй в лодке!
Такая тишь вокруг!
Такое море — друг,
Ручная голубица...
Склонись к его волнам.
Глубоко — видишь! — там
Жемчужина таится...

Перевод АЛЕКСАНДРА ГАТОВА



Арест Акакия Церетели в 1907 году (рисунок из газеты).



Очерк Г. Григорьева

Фото Н. Грановского и Э. Евзерихина

Москва... как много в этом звуке...
ПУШКИН.

Дом вырастал со сказочной быстротой. И то, что открывалось взору прохожих, так непохоже было на привычный строительный пейзаж. На головокружительной высоте не висели, скорчившись в своих люльках, люди со скребками и помазками. Не было ни этих стародавних люлек, ни паутины лесов с шаткими мостками и галереями.

Голубое небо пронзили ажурные металлические мачты, и над грудой бревенчатых, доживающих свой век домишек с неприхотливыми наличниками и с петушками на фасаде повисли огромные крючья. Чудесные механизмы старательно действовали за людей. Крючья-голиафы поднимали с земли пакеты из сотен кирпичей, пачки железобетонных плит, перекрытия — части гигантского здания, растягивавшегося на целый квартал. Они наслаивали этаж за этажом, не прошло и нескольких месяцев, как новый дом уже готов был принять жильцов.

В доме на Можайском шоссе получил квартиру знатный стахановец Петр Коновалов. Перемена жилья рабочему Коновалову представлялась как бы этапом в его жизни.

Новый дом, куда он вселялся, был солиден и монументален, приветлив и радостен. В этой монументальности, лишенной крикливых, безвкусных украшений старокупеческих доходных домов, раскрывался своеобразный стиль советской архитектуры. А внутри просторно, светло, и в каждой мелочи воплощалась забота об обитателях, о людях социалистической эпохи. Бодро и весело шагал Коновалов из комнаты в комнату своей собственной квартиры, без конца проверял действие газовых рожков в кухне, прощупывал блестящую, кремового цвета, облицовку ванной, пожалел, что нельзя вот сейчас испытать эффективность мусоропровода, включил радио, звонил по телефону, сообщая друзьям свой номер, раза три спустился в лифте, чтобы освоиться с ним. Незнакомые вещи становились своими, домашними, смело входили в быт.

Открыв дверь на балкон, он вздохнул глубоко и радостно. Внизу расстилалась прямая и широкая, как река, уличная магистраль. Она уходила к душистым полям и перелескам, вливаясь в автостраду Москва—Минск. Недавно тут кончался город. Пустыри и канавы перемежались низкорослыми, невзрачного вида строе-

На площади перед Главным входом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

ниями, смотревшими вкривь и вкось. Шоссе обстроилось, подчистилось. Его залил асфальт. Вытянулись многоэтажные красавцы-здания. Можайка принарядилась, изменила свое обличье, превратилась в главную артерию югозападного района столицы.

Москва... Века наложили резкий отпечаток на ее лицо, ее конфигурацию. Она росла вширь, колечками, сутулясь, отпочковывая переулки и тупики, прилепляя домишко к домишку. Образ ее увековечивался в стихах и в описаниях путешественников. В ней искали неповторимую экзотику, и эта экзотика была в причудливом сочетании азиатчины и классицизма, трущоб и золотых куполов, смрадных задворков и колоннад особняков. Ее называли большой деревней.

И вот Москва сбросила горб столетий, выпрямилась, как юноша, задышала полной грудью своих расширившихся площадей, своих омоложенных улиц.

Как это произошло?

1934 год. Кремлевский зал. Совещание у товарища Сталина. Какой должна быть социалистическая столица? Архитекторы, строители, выступая перед членами Политбюро, перед правительством, рисовали первые схемы грандиозной перестройки. Было много фантастического. С легким сердцем иные предлагали вытянуть город чуть ли не на сто километров, заново создать столицу. И вот прозвучали простые, но такие ясные и проникновенные слова вождя. Исторически сложившийся город должен остаться. И с ним нужно сочетать смелые перспективы планировки. Переделывая город, надо помнить о людях и для них создать самые лучшие условия жизни.

Забота о человеке... Ею пронизан сталинский генеральный план реконструкции Москвы. Это было в 1935 году. Архитекторы, скульпторы, инженеры, парковеды — тысячи людей науки, искусства, стахановского труда стали воплощать в бетоне, в мраморе, в металле величественную программу, продиктованную гением Сталина.

Раскорчевать старые, ненужные куски Москвы никогда бы не удалось дедовскими лопатами. И по кирпичикам, по бревнышкам никогда бы не снести ветошь и гниль, наслоенную веками. Пришла новая техника. В землю вгрызлись зубья экскаваторов. Гигантские подъемные краны взгромоздились на площадях. Электропилы стали распиливать пополам дома, и то, что не могли сделать пилы, довершил аммонал. Дома задвигались, на роликах они переходили в места, предназначенные им планом. Властной и умной рукой распутывались паутины переулков и прорубались коридоры-проспекты. А под землей машины буравили тоннели первых трасс метро.

И бесследно — в сказочно короткие сроки — исчезли кварталы трухлявых строеньиц, прилепившихся почти к самому сердцу столицы — Кремлю, — обсыпавших беспорядочными горстями ее набережные, выпятивших свои унылые торцы и безобразные фасады там, где человеку не пройти и машине не проехать.

Город, окрещенный «большой деревней», преобразился. Эти разительные перемены волнующе ощутили не одни лишь москвичи.

Поезда из Белоруссии, из Заполярья, Сибири, Украины, Кавказа, Средней Азии доставляют каждый день тысячи знатных людей на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Мастера социалистических полей, преобразователи природы, совершающие смелые эксперименты над растениями и животными, видят изумительную картину переделки города-гиганта.

Необъятные, одетые в асфальт площади вокзалов. Приезжие устремляются лавинами к павильонам метро. С восторгом, в свое время испытанным москвичами, они осматривают сверкающие розовыми, темноголубыми, красными мраморами мощные своды и пилоны, панно из камней, мозаики, скульптуру, запечатлевшую героические образы эпохи. Все искусства тут объединились, чтобы из проезжих магистралей создать подземные дворцы, в которых с необычайной силой обнаружила себя новая эстетика социализма, эстетика, проникнутая сталинской заботой о человеке. Массовые, общедоступные дворцы... Каждый день до полутора миллиона человек спускается сюда, в залитые светом залы подземки. Если бы составить ленту эскалаторов, по которым прошли пассажиры московского метрополитена, она обернулась бы вокруг земного шара по экватору сорок два раза.

В автобусах, в блистающих голубых зисах, в двухэтажных троллейбусах люди советской земли мчатся по зеркальной глади преображенной Мещанской. В раздавшейся вширь, вытянувшейся в струну, застроенной нарядными массивными зданиями магистрали не узнать старую, провинциальную улицу. Это новая Москва. Машины свободно въезжают на Крестовский виадук и летят по асфальтированному, ярко освещенному вечерами Ярославскому шоссе. Вот мелькнули знакомые фигуры рабочего и колхозницы из нержавеющей стали. Пригород Пушкино, совсем недавно пустынный, изрезанный оврагами, разузоренный болотцами. Оврагов да болот уже нет. Новая площадь переходит в проспект с цветниками, газонами. И вдали — легкая, воздушная арка Выставки.

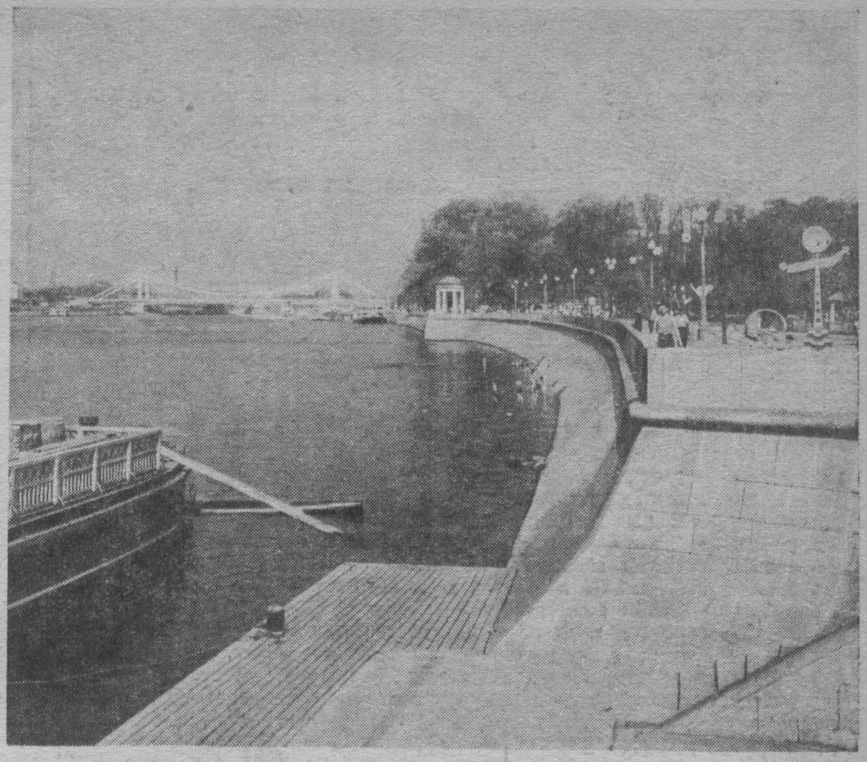
•

Социалистическая Москва вобрала в себя бывшие окраины и предместья, дала им культуру, воду и свет, трамваи и автобусы, школы и детские ясли. К ним протянулись коридоры столичных проспектов.

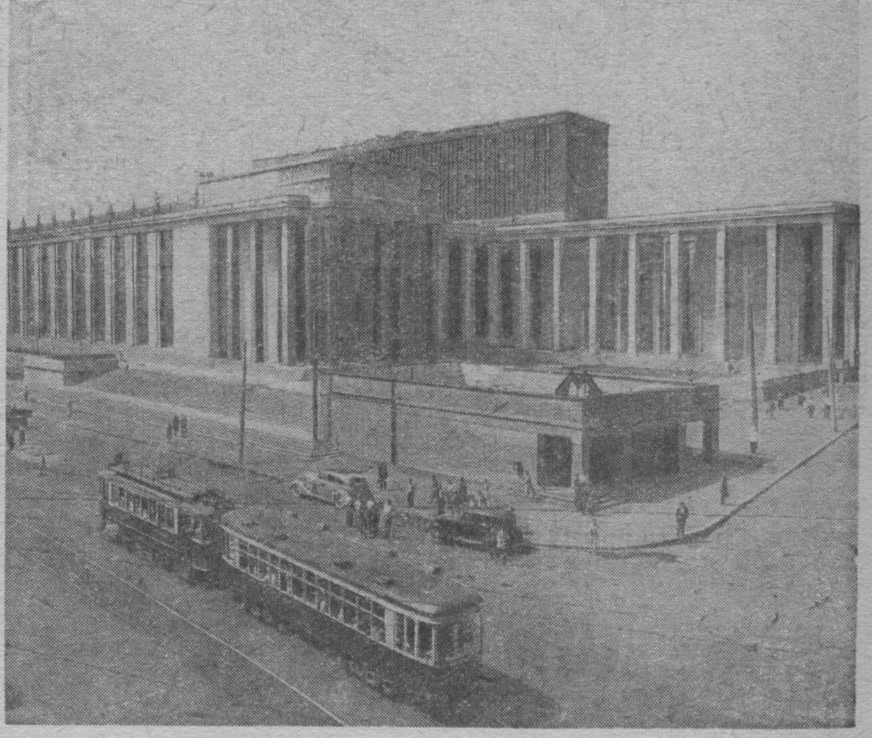
Потоки машин мчатся по Ленинградскому шоссе, к аэропорту, к стадиону, к Химкинскому водохранилищу.

С реконструированным шоссе слилась воедино древняя неуклюжая Тверская, но теперь это прямая, стройная улица Горького, украшенная домами-исполинами.

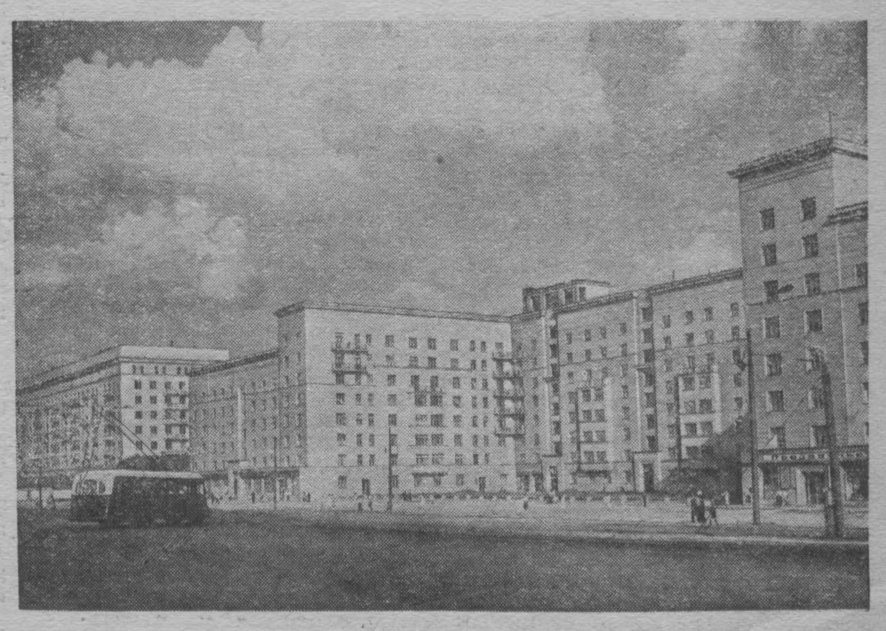
Старая Калужская... Один за другим возникают на ней жилые корпуса. Они выходят из своеобразных конвейеров. Экскаваторы еще только вгрызаются в землю на месте будущего дома, а по соседству уже укладывается первый этаж другого, дальше монтируется третий дом и, наконец, в четвертом заканчивается отделка. Поточно-скоростные методы сломали все представления о темпах, о технике строительства.



Пушкинская набережная в Центральном парке культуры и отдыха.



Новое здание Всесоюзной библиотеки имени Ленина.



Можайское шоссе.

Шоссе энтузиастов, Садовое кольцо, Кунцево — Фили... В столице уж не осталось магистрали, которую не захватил бы процесс коренной переделки.

Иное стало лицо у городских площадей. Маяковский писал:

«От Пушкина
до «Известий»
шагов двести.
Как раз
ему б
компания была.
Но Пушкину
почти
не видать «Известий».
Мешают
писателю
чортовы купола».

Куполов нет. Нет и куцей Страстной. Перед Пушкиным расстилается, пестреет людьми обширная площадь, носящая его имя.

Какой великолепный архитектурный пейзаж открылся с прямоугольника Манежной площади, освобожденной от груды обветшавших домов! Белая громада гостиницы «Москва» смотрит на колоннаду Манежа, на башни и звезды Кремля и изящный в своих классических формах Московский университет... Немного времени пройдет, и эта площадь вольется в величественный проспект. Он протянется по обновленному уже Охотному ряду, по Моховой, мимо древних кремлевских стен и новой библиотеки Ленина, мимо стоящего на холме баженовского "Пашкова дома", жемчужины классической Москвы, к грандиозному Дворцу Советов.

Подъемные краны уже монтируют каркас Дворца Советов, его сложную четырехсотметровую стальную конструкцию. Устраиваются гранитные сходы к реке. Сама река, ее набережные, как и многое другое в столице, омолодились. От набережной к набережной, одетым в гранит и бетон, перекинулись мосты-великаны.



Вид улицы Горького от Пушкинской площади до Советской (проект академика-архитектора А. Г. Мордвинова).

Канал Москва—Волга возродил Москву-реку и гнилушу Яузу, связал Москву с тремя отечественными морями.

●

Сталинскому плану реконструкции минуло пять лет. Но за это время москвичи уже получили больше миллиона квадратных метров жилой площади. Сотни монументальных, комфортабельных зданий для жилья выросли на центральных улицах, в бывших предместьях, на набережных. Город обогатился театрами и дворцами культуры. Счастливая советская детвора учится в сотнях новых просторных школ. А сколько выстроено детских садов, яслей, лечебниц!

Москвичи получили много прекрасной воды. За пятилетие сталинской реконструкции Москвы устроено водопроводов столько, что жители столицы потребляют воды намного больше чем в любом городе мира. На долю обитателя Лондона приходится суточная порция в 158 ведер воды, в Стокгольме — 205 ведер, в Москве — 245!

Городом пешеходов была «Белокаменная». «Ваньки» и колымаги оспаривали друг у друга первенство, конка явилась необыкновенным новшеством, а электрический трамвай — выдающимся событием. Редкие автомобили не нарушали общего конного ландшафта. Сейчас в Москве найдется едва ли с полсотни извозчиков. Их сменили десятки тысяч автомобилей, многокилометровые маршруты проделывают автобусы, троллейбусы, такси, которым уступили место на главных магистралях даже трамваи. Жители столицы стали быстрей передвигаться. За год городской транспорт перевозит до двух с половиной миллиардов людей. Это — население шестисот таких городов, как Москва.

Когда спускаются сумерки, москвичи и приезжие люди устремляются к десяткам столичных театров, к загородным лесным массивам. Радость жизни, взлеты ликующего смеха в садах и парках, на водных станциях и стадионах! Вода и зелень — чудесные фрагменты сталинского плана переделки города.

Сорок тысяч электрических фонарей зажигаются на московских улицах. Небо пламенеет над столицей. Такого изобилия света она никогда не знала.

Макс Поляновский

«ДЕНЬ НОВОГО МИРА»

Люди коммунистического общества будут с волнением изучать наши дни. Они захотят знать, как жила на рубеже пятого десятилетия XX века великая страна социализма. Они будут листать пожелтевшие комплекты сегодняшних газет и журналов, перечитывать книги наших современников. Их будут интересовать люди сталинской эпохи — живущие сейчас творцы настоящего и будущего.

На помощь им придет кинодокумент, пленка звукового фильма, снятого в один и тот же день 1940 года в сотнях пунктов Союза Советских Социалистических Республик.

Нам и самим интересно увидеть многообразный, многогранный день своей родины. Обыкновенный деловой день двенадцати союзных республик. И зарубежный кинозритель заинтересуется таким фильмом больше чем сильно разрекламированным голливудским боевиком.

Один из летних дней 1940 года станет большим, экзаменационным днем для советской кинохроники. В этот день 270 кинорепортеров будут создавать грандиозную кинопанораму — документальную повесть «День нового мира».

Через весь фильм как основные действующие лица пройдут рядовые люди страны социализма. Они работают, учатся, веселятся, отдыхают, любят. Они управляют государством, строят дома и заводы, работают на полях, ведут поезда, пароходы, ткут ковры, делают научные опыты...

Среди этих строителей коммунистического общества товарищ Сталин. Ему обязаны люди нашей страны своим свободным трудом и счастьем. Ему посвящают советские люди свой труд, свое искусство, свои героические подвиги.

В фильме будут показаны различные моменты жизни и деятельности советских людей: инженера; вузовки, школьника; человека, награжденного в этот день орденом; человека, чей портрет в этот день напечатан в «Правде»; радиста далекой зимовки; врача; судьи; заведующего загсом; художника; геолога...

Фильм покажет многообразнейшие участки социалистического строительства, покажет пространства и богатства страны, отразит советский патриотизм, постоянную готовность народа к защите социалистической родины.

И все это на протяжении одного только дня! Когда на часах кремлевской башни пробьет полночь, дальневосточный кинооператор снимет уже пробуждающийся к новому дню Владивосток или Хабаровск; Мурманск в это же время будет ярко освещен незаходящим солнцем, а Крым окутается плотным бархатом непроницаемо-черной ночи...

Съемки в этот день будут происходить по всему советскому континенту. Обнаружатся изумительные климатические контрасты нашей страны. В один и тот же день мы увидим советских людей, которые купаются в теплом море, тренируются на лыжах, собирают цветы в одном конце страны — и едут по снежной дороге — в другом.

В этот день сотни людей с большими и малыми кинокамерами объедут города и села, колхозы и аулы, зимовки и стойбища, леса и заповедники, рыбачьи становища и дальние маяки.

Экран покажет, сколько в этот день выплавила страна чугуна и стали, сколько было добыто угля, сколько тысяч вагонов было погружено и разгружено на железных дорогах, сколько тракторов и автомобилей сошло с конвейеров заводов, как возделывались в этот день социалистические поля и охранялись советские границы.

Снимая для этого фильма-панорамы значительные явления и события, кинооператоры запечатлеют для будущих времен также такие детали, как костюмы, обувь, меню, театральные афиши. Каждая такая деталь поможет будущим зрителям восстановить во всей полноте наше сегодня.

Через этот фильм, смонтированный из кадров, снятых в разных концах Советского Союза, пройдет несколько основных героев. Мы увидим введенный в картину сюжет: полный показ одного дня нескольких рядовых советских граждан, живущих в различных концах нашей родины.

«День нового мира» будут снимать не только операторы кинохроники. Все советские кинооператоры, находящиеся в различных экспедициях и снимающие игровые фильмы, в этот день сделают съемки для кинопанорамы одного дня нашей эпохи. Ведь каждые пять или десять метров, снятые в одной из точек СССР, дополнят рисунок кинопанорамы длиною в две тысячи метров.

Следовало бы привлечь к работе над фильмом также операторов-непрофессионалов. Любители, имеющие свои кинокамеры, могут дать для этого фильма ценнейшие кадры.

Общими усилиями предстоит создать ярчайшее произведение киноискусства, запечатлеть для будущего один из дней третьей сталинской пятилетки.

Авторами будущего фильма явятся сценаристы М. Цейтлин и Б. Яглинг, режиссер М. Слуцкий и все операторы советской кинохроники.

Мих. Левитин

РАССКАЗ БОЙЦА

Понятно, летом человеку вольготней чем зимой. Особенно в лесу. Тут тебе и запах от деревьев смолистый и птиц видимо-невидимо.

Погуляешь в лесу целый день, утомишься, а к ночи завалишься спать под деревьями. Спишь, а во сне всякие лесные видения являются и красивые снятся сны. А утром в лесу просто как в сказке. Вскинешь ружье, собаку впереди себя пустишь, идешь тихонечко по звериному следу и слышишь только, как сердце твое от радостного волнения стучит.

Обидно только, что лично я сам ничего такого не испытал. Человек я городской, только один раз в лесу летом побывал. Да и то не повезло. Кляузный такой лесочек попался. Под Ленинградом. Но вскоре после этой неудачной лесной прогулки пришлось мне попасть в настоящий лес. Только не летом, а зимой. И не отдыхать, а воевать.

Сознаюсь откровенно, не понравился мне поначалу этот суровый и бескрайний, таинственный зимний лес. К такому лесу привыкнуть надо, чтобы красоту его оценить, а тут не до этого. Темно. Снегу по пояс. Мороз. Об одном только думаешь: в бой бы скорей пойти. Ждать надоело. Каждый час неделей кажется.

Уж мы не раз насчет этого к батальонному комиссару обращались. А он улыбнется только и тихо скажет:

— Нельзя еще, товарищи. Приказа ждать надо. Как получим приказ, выступим сразу,—и тогда не сдобровать белофиннам! Покажем им, как с нами воевать.

Надо вам сказать, что батальонного комиссара мы очень любили. Молодой еще парень, а военное дело как свою фамилию знает. И от нас, бойцов, ни на шаг. Всегда вместе. С ним, как с родным, каждый разговаривал. Не было у нас секретов от комиссара. Что непонятно—к нему за разъяснением идем. Душевный такой человек. И серьезное скажет и развеселит, когда надо. Тарасов его фамилия.

Как-то со мной он долго разговаривал:

— Ну, как, Зубков, настроение? Трудно, небось, зимой в лесу без привычки?

— Трудно,—отвечаю.

— Понимаю. Значит, по Ленинграду скучаешь?.. К семье скорее вернуться хочешь?

— Хочу, товарищ батальонный комиссар. Очень хочу.

— Хочешь? Ну, если хочешь, тогда пошлю я тебя, Зубков, домой. Поедешь?

— А почему же не поехать. Только смотря когда пошлете. Если после окончания войны, поеду с удовольствием, а сейчас ни за что не поеду.

Услышав эти слова, пожал мне комиссар крепко руку:

— Ну, так и быть, Зубков, время придет, вместе домой поедем. А что трудно воевать зимой в лесу, так это факт.

Вскоре после нашего разговора приходит приказ — «Взять штурмом город, где укрепился враг!»

А идти надо лесом: дорогу белофинны минировали. Они думают, Красная Армия леса испугается и хорошей дорогой соблазнится. Но нет, никогда не выйдет по-вашему! Русский народ не пугливый. Его горами пугали—не испугали, морем пугали—не испугали, и лесом дремучим не испугать.

Прочел нам приказ комиссар, и мы все, сколько нас было, в один голос крикнули:

— За родину! За Сталина! Ура!

И взглянул я тогда на ели высокие, на шубу снежную, что раскинулась перед глазами, и в первый раз увидел, до чего красив этот суровый и бескрайний, таинственный зимний лес.

Комиссар сказал:

— Товарищи бойцы, тяжелый бой предстоит нам сегодня. Нешуточный. Будем действовать, как семья одна. Прославим оружие красноармейское. О нас ведь вся страна думает...

И тронули нас за сердце простые комиссаровы слова. Сжали мы винтовки крепко, подтянулись сразу.

Незадолго до боя собирался я письмо написать на родину. Но написал не письмо, а заявление в партию. А писать было трудно: руки мерзнут, карандаш вываливается. Морозы-то суровые были!

Написал я заявление, а рекомендации у меня одной не хватает.

— Вот,—говорю,—товарищ батальонный комиссар, возьмите мое заявление и считайте меня в бою коммунистом. А уж потом вернусь, поищу рекомендацию, и оформим мы это дело, как полагается.

— Ну что ж,—отвечает комиссар,—хоть и немного мы знакомы, но вижу я, что в партии вы быть достойны. Дам я вам рекомендацию.

И тут же взял комиссар чистый лист бумаги, карандаш и начал писать рекомендацию. Но дописать ее не успел. Раздалась команда:

— Построиться!

Пошли мы в наступление.

Шли лесом под огнем английских минометов, ползли по снегу, с тем чтобы окружить врага с правого фланга и заставить принять бой; неприятель увиливал от боя. Мы дрались три с половиной часа.



Выпускники-отличники Высшего военно-морского инженерного училища ордена Ленина имени Дзержинского воентехники 1-го ранга (слева направо): М. Бурштейн, В. Ефимов, Г. Михайлов, Г. Слон и Е. Ефимов.

Фото Я. Халипа

И случилось так, что в бою я очутился рядом с батальонным комиссаром Тарасовым. Он стрелял метко и всюду поспевал. Выстрелами своими он затыкал глотку французским пулеметам и с верхушек деревьев снимал белофинских «кукушек».

Видя это, я старался не отставать от своего комиссара. Вдруг он зашатался и упал на спину.

— Ну,—решил я,—убили нашего любимого комиссара. Прощай, товарищ Тарасов.

Я быстро нагнулся к нему и сказал тихо:

— Товарищ батальонный комиссар... товарищ комиссар...

Он молчал. Прощай, товарищ Тарасов. Я раскрыл полушубок, вынул из гимнастерки его партийный билет, спрятал у себя. Взял я комиссара и вынес его с поля боя. Ну и горячо же потом было. Прорвали мы укрепления и к вечеру заняли город.

Но об этом узнал я уже в лазарете. Ранили меня, поцарапали... разрывной пулей.

В лазарет пришел меня навестить наш командир. Поздравил меня, спросил:

— Где вы до войны работали, товарищ Зубков?

— До войны—на транспорте... кладовщиком.

— А в каких войнах участие принимали?

— Да ни в каких... Первый раз на войне.

— А я думал,—сказал командир,—что вы старый боец. А с какого года вы в партии, товарищ Зубков?

Я растерялся.

— Видите ли, товарищ командир... я хотел вступить в партию... и заявление перед боем подал, а вот оформить все не успел. Рекомендации одной не хватило. Так что выходит, что я еще беспартийный...

— Беспартийный? — переспросил командир. — Странно! А вот мне врачи сообщили, что при вас партийный билет оказался. Знаете?

— Знаю... все знаю. Только партийный билет не мой. Я его у нашего батальонного комиссара взял. Боялся, что он врагу достаться может. Потому и взял. Вижу, упал комиссар, не дышит... Рекомендацию дать мне хотел, да не успел...

— Я бы,—говорит командир,—и сам бы вам дал рекомендацию, да только лишней она будет.

— Почему же,—говорю,—лишней будет? У меня одной рекомендации не хватает. Товарищ Тарасов оформить не успел.

— А вы не беспокойтесь... Товарищ Тарасов теперь оформит. Он тут же в соседней палате лежит.

Приподнялся я с постели и бежать к товарищу Тарасову хотел, но удержали меня.

Перед тем как проститься, спросил я командира:

— Хорошо ли дрались мы? Результатов боя не знаю по случаю ранения.

Командир весело ответил:

— А результаты такие: укрепления мы прорвали, город заняли, противник уничтожен. Как говорится, ничего существенного. Желаю вам быстрейшего выздоровления. До скорой встречи.

Через три недели выписались мы с товарищем Тарасовым из лазарета и снова поехали на фронт. В кармане у меня лежал мой собственный кандидатский билет. Дорога была уже знакома. Я шел лесом и думал, до чего красив этот суровый и бескрайний, таинственный зимний лес.





СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ

Текст Н. Шибаева *Фото А. Мальмберг*

В Главном павильоне Всесоюзной сельскохозяйственной выставки висит громадное панно: летний украинский пейзаж, колхозные ясли; здоровые загорелые дети, радостные, счастливые матери; в центре — человек с добродушным широким лицом.

Это доктор Семен Иванович Бережной, более тридцати лет работающий в больнице Остапьевского колхоза, Полтавской области.

Доктор Бережной работал в Остапье еще в те страшные времена, когда из ста крестьянских детей пятьдесят умирало от инфекционных болезней, когда здесь царили беспросветная нужда, темнота, бескультурье.

Теперь в колхозе оборудованы прекрасная больница (на снимке вверху здание больницы), консультация для матерей, молочная кухня, лаборатория, медицинская библиотека, рентгеновский кабинет, родильный дом, акушерский пункт.

Под руководством Бережного в колхозе работают постоянные «школы материнства». На собраниях матерей, в полевых станах, в амбулаториях, в хатах колхозниц — всюду проводятся беседы о воспитании ребенка, гигиене, о чистоте жилища.

Патронажная сестра Мария Ивановна Калиниченко обходит матерей-колхозниц. Она лучший друг, советница, желанный гость в каждой хате С ее помощью колхозницы-матери устраивают у себя дома «уголки ребенка», «манежи» для малышей. Следят за чистотой детской постели, ежедневно купают ребенка, бывают с ним на воздухе, проветривают жилище.
←

Остапьевские девушки — подлинные советские патриотки. Они вступили первыми в ряды доноров и объявили о своей готовности стать медицинскими сестрами запаса. Семен Иванович Бережной руководит специально созданными курсами медицинских сестер. Он обучает их уходу за больными, переливанию крови, оказанию первой помощи.
↓



↑

Остапьевские девушки занимаются в кружке ПВХО.

От девушек не отстают и юноши. Они изучают стрелковый спорт, пулеметное дело и планеризм, сдают нормы на значки ГТО, ПВХО. На призывные пункты идут, имея по два — три оборонных значка. Доктор Бережной постоянно наблюдает за состоянием здоровья школьников, проводит систематические осмотры ребят, и потому еще не было случая, чтобы кто-либо из молодежи Остапьевского колхоза не был принят в ряды Красной Армии или Военно-Морского Флота.

→



Доктор Бережной организовал колхозников-активистов на борьбу с малярией. Осушены болота, открытые водоемы заливаются нефтью, уничтожаются личинки комаров в местах зимовки. Борьба ведется победоносно.

Вся общественность колхоза борется за то, чтобы навсегда покончить со страшными ранее инфекционными болезнями, которые уносили сотни жизней. Колхозники проявляют живой интерес к деятельности доктора Бережного. Семен Иванович часто докладывает правлению колхоза о своей работе, и неизменно на эти совещания собирается многочисленная аудитория.

Вечерами, когда в колхозных хатах загораются яркие огни, Семен Иванович обходит свое хозяйство, долго и дружелюбно беседует с людьми, выросшими с ним на работе.

Их немало. Сестры, фельдшерицы, лаборантки, врачи, дезинфекторы, санитарки, няни — все это наши замечательные советские кадры, золотой фонд сельского здравоохранения.

К. Лапин

Московской ночью

Рисунки худ. Н. Малолеткова.

РАССКАЗ

Он уговорил Галю удрать с вечеринки. Девушка сразу понравилась ему. Еще за столом Николай все время смотрел на нее и поймал внимательный ответный взгляд. А когда Галина, раскрасневшаяся от танцев и духоты, села рядом с ним на широкий подоконник, он очень серьезно предложил ей бежать. Конечно, это было самонадеянно. Самая красивая девушка на вечеринке была не одна: весь вечер Галю окружали веселые студенты, ее товарищи по институту. Они праздновали окончание учебного года. Николай успел за весь вечер обменяться с ней только двумя — тремя фразами о Маяковском во время общего разговора и особенно не рассчитывал на успех. Но девушка с любопытством посмотрела на него и даже перестала обмахиваться целулоидной патефонной пластинкой.

— Куда бежать? — спросила она удивленно.

— На улицу. Готов поставить свою голову против дюжины пластинок, что вы ни разу не гуляли по Москве в такие часы... Я не говорю проходили, — поспешно добавил он, заметив ее движение. — Конечно, конечно, вас провожали с тысячи вечеринок, но гуляли ли вы в это время по Москве? О, тогда я завидую вам, вы в первый раз увидите, как красива летняя ночь в городе!

Во взгляде девушки появилось нечто большее нежели простое любопытство.

— Вы говорите, как поэт, — сказала она.

— Я строитель... Ну, решили?

— Пошли! — неожиданно воскликнула Галя, и в ее глазах зажегся озорной огонек.

Когда они вышли на улицу, фонари еще горели, бросая на мостовую желтые качающиеся круги, но слева, на востоке, небо уже начало бледнеть. В переулке было тихо, только стучали по асфальту галины каблучки да из открытого окна третьего этажа слышались звуки вальса — ночная передача.

Николай шел, распахнув ворот рубашки, и с наслаждением вдыхал свежий ночной воздух. Иногда он поглядывал на идущую рядом с ним девушку, и она казалась ему еще красивее. По ее лицу, еще не остывшему от возбуждения, по большим блестящим глазам и улыбающемуся рту было видно, что Галя еще слышит веселый шум вечеринки, комплименты, приглашения на танцы. Он хотел бы идти вот так все время, и смотреть на нее, и молчать, но девушка спросила:

— И долго мы будем так молчать? Вы обещали читать Маяковского.

Постепенно втянувшись в ритм движения, Николай начал читать отрывок из поэмы «Хорошо!» Читал он выразительно, во весь голос, отбивая такт правой рукой. Ему не хватало места на тротуаре, и Николай сошел на мостовую. Его голос отдавался в каменных воротах под домами. И ночные сторожа, спавшие в стеклянных тамбурах ювелирных магазинов, поднимали головы, тупо смотрели на идущих и снова прятали носы в свои необъятные тулупы.

— Хорошо! Очень хорошо! — сказала девушка, когда он кончил. — Пожалуй, вы правы: такие стихи нужно читать именно на улице... Какой он большой и новый, ни на кого не похожий, этот Маяковский!..

Николай прочитал еще несколько стихотворений Маяковского, затем, пользуясь случаем, прочитал и свое, но девушке оно понравилось меньше.

— Последняя вещь немного слабее, — заметила она. — Это тоже Маяковский?

Николай поспешно заверил ее, что это никак не Маяковский, но в своем авторстве не признался: она разбиралась в стихах.

Время от времени он останавливался и предлагал девушке полюбоваться зданием, особенно красивым в эти часы, когда мутная дымка рассвета лежит на чистых линиях карнизов и подоконников. Здания ей нравились. Галина находила в них сейчас сходство с театральными декорациями и поминутно удивлялась, как не замечала их днем, хотя проходила мимо не один раз. Николай только улыбался. В этом нет ничего удивительного, днем приходится думать о сотне других вещей, смотреть под ноги, а тем, кто хочет по-настоящему увидеть свой город, лучше гулять в эти часы перед рассветом, когда никто не мешает.

— Я вам сегодня покажу много интересного, — сказал он.

Они подошли к красному зданию на углу, перед которым, освещенные яркой электрической лампой работали люди в брезентовых спецовках. Пневматическими бурами они рыли длинную



Они пошли вниз по реконструированной улице Горького...

глубокую канаву перед домом. Девушка подошла к самому краю канавы и посмотрела вниз; толстые трубы и провода, облепленные землей, тянулись от мостовой к дому. Николай объяснил, что улица будет расширяться, этот дом мешает, поэтому его должны передвинуть. Сейчас под стены подводят стальные балки, а когда весь дом сядет как бы на металлическую тележку, то его легко передвинут на другое место, в глубь участка. Он даже показал это место, метрах в пятнадцати от дома, где сейчас были ворота, затем куском штукатурки нарисовал на асфальте, как устроены домкраты, при помощи которых можно передвинуть такую огромную тяжесть.

— Как интере-е-есно! — нараспев сказала Галя; кажется, это по-настоящему заинтересовало ее. — И откуда вы все это знаете?

— Я ж строительный техникум кончил, — сказал Николай. — Я вам еще покажу свои подъемники.

Они пошли вниз по реконструированной улице Горького, ставшей теперь широкой, как площадь, мимо высоких новых домов левой стороны и освещенных окон телеграфа на правой, в которые было видно, как скользят металлические патроны пневматической почты. По пути они встретили несколько таких же парочек и веселую шеренгу молодежи, которая, взявшись под руки, загородила собой весь тротуар...

По Охотному ряду проносились автомобили, шум шин напоминал плеск льющейся из шланга воды, окна ресторана гостиницы «Москва» были ярко освещены, и оттуда доносилась музыка джаза, а прямо перед ними, словно черный утес, поднималось здание Исторического музея. Николай и Галя перешли площадь и пошли вдоль ограды Александровского сада, откуда пахнуло освежающим холодком.

Возле Манежа чинили трамвайные пути, и бело-голубой свет вольтовой дуги временами освещал строгие колонны старинного Университета и фронтон Манежа. Слушая шелест листвы и сонное чириканье какой-то завозившейся в кустах птахи, они прошли вдоль сада и вышли к реке. С нового Каменного моста были хорошо видны Кремль, силуэты дворцов, башен и церквей на фоне неба, белая гранитная набережная, высокий Москворецкий мост, а внизу — широкая, полноводная Москва-река.

На другой стороне горели многочисленные прожекторы, бросая свет на строительную площадку Дворца Советов, где ни днем, ни ночью не прекращалась работа. Но Николай смотрел еще дальше по реке, за дома и строения левого берега, отыскивая что-то глазами.

— Вот, вот где они, мои родные! — воскликнул вдруг Николай, разглядев две черные вертикальные полоски на горизонте. — Я так и думал, что их отсюда видно.

— Кого это? — не поняла Галя.

— Мои подъемники, — не без гордости пояснил он. — Я сам рассчитывал их, делал чертежи и следил за работами. Вы понимаете? Шахтные подъемники. Там находится моя постройка.

— Какие высокие! — с уважением сказала девушка.

Авторское самолюбие Николая, слегка пошатнувшееся после неудачи со стихами, пришло в равновесие.

— Если бы сейчас было утро, я непременно сводил бы вас на самый верх подъемника. Впрочем, можно пойти и сейчас, если вы хотите.



...взяв девушку за локоть, он пошел через площадь.

— Нет, сейчас, пожалуй, не стоит, — сказала Галя, с опаской поглядев на далекие силуэты. — Лучше в другой раз.

С реки подул ветер, и она смешно передернула плечами.

— Пойдемте обратно, — сказал Николай.

— Как это все интересно! Я второй год живу в Москве и только сейчас поняла, что я еще ничего не видела.

— Правда? Мне очень приятно слышать это. А если вы устали, я могу вас понести.

Он нагнулся и хотел поднять ее, но девушка испуганно замахала руками и потащила его за руку вперед. Сойдя с моста, они свернули в переулок. Из открытых окон домов пахнуло домашним теплом. Фонари были потушены, горели только синие лампочки у подъездов и пожарные указатели на стенах. Теперь стали более заметны звезды, и Николай сразу нашел на небе Полярную звезду и созвездие Кассиопеи ввиде растянутой буквы W.

Справа и слева тянулись старинные особняки в стиле ампир. Николай называл имена декабристов, живших в этих особняках, показал один серенький, неприметный домик, где танцовал Пушкин со своей возлюбленной...

В этих кривых, запутанных переулках Арбата прошло детство Николая. Здесь он и его товарищи играли в сыщиков и разбойников, ломали сирень и до ночи спорили, какая профессия лучше: летчика или инженера, — а потом встречались в Ленинской читальне, на стадионе, в театре, и всегда знали все друг о друге, и ревниво следили за тем, кто за это время больше успел.

— Смотрите: сирень! — воскликнула Галя, показывая на жалкую веточку сирени, свесившуюся через забор.

Николай презрительно усмехнулся.

— Разве это сирень? В этом переулке настоящая сирень растет только у Сережки Шереметьева. Пойдемте, я сорву для вас веточку.

Оставив Галину на углу, он перелез через каменную ограду. Немедленно до девушки стал доноситься громкий треск ломаемых веток, и минут через пять рядом с ней тяжело шлепнулся огромный букет, стянутый ремнем, вслед за ним появился Николай и, распустив ремень, потряс букетом: тяжелые фиолетовые гроздья вперемежку с белыми наполнили густым запахом весь переулок.

— Вы с ума сошли, Николай! — с ужасом, перемешанным с восхищением, прошептала девушка. — Такой большой! Но бежим скорей отсюда.

Она тянула Николая за рукав, и хотя он говорил, что им ничего за это не будет, Сережка был бы только рад, узнав, для какой милой девушки сорвана эта сирень, но тоже ускорил шаги. Они вышли на бульвар и остановились. Мимо проехал пустой грузовик, громыхая неподвязанной цепью, которая билась о борт. На востоке небо совсем порозовело.

— Скоро утро, — сказал Николай.

— Утро? — удивилась Галя. — А когда же я буду спать?

«Летом спать не полагается,

Сон — тягчайший из грехов;

Летом ночь у нас слагается

Из прогулок и стихов», — прочел он, но девушка теперь слушала плохо и даже не поинтересовалась, чьи это стихи.

— А где вы живете, Галя?

— В Останкине. В студенческом городке.

Николай присвистнул от удивления.

— Я, собственно, и не думала возвращаться сегодня. Я уговорилась с подругой, что буду ночевать у нее, но только к ней, пожалуй, слишком поздно, — закончила она со вздохом.

— А почему бы вам, Галя, не зайти ко мне. Случайно или нет, только мы почти дошли до моего дома. Я живу на этом бульваре. Идемте. Вы же не боитесь меня?

Девушка стояла, спрятав лицо в букет. Нет, она нисколько не боится его, но она считает просто неудобным идти в такое время к молодому человеку, которого она видит в первый раз.

— Время как раз вполне приличное, — сказал Николай, доставая часы; они показывали половину четвертого утра. — Мы могли бы соорудить ширму. Или вот, я уйду, а вы останетесь одна.

Девушка все время отрицательно качала головой.

— Нет, нет, Коля, даже и не уговаривайте. Завтра выходной день, и мы можем еще походить по улицам, тем более что э-э-это, — она зевнула, — так интере-е-есно, — она зевнула еще раз и похлопала себя ладошкой по губам. — Мне ничуть не хочется спать.

— А мне хочется, — сказал он, глядя на тени под ее глазами: сейчас, в бледном свете наступающего утра, она показалась ему очень усталой, и он ругал себя, что не заметил этого раньше. — Значит, ко мне вы не пойдете? Хорошо! — по его тону Галина поняла, что он принял какое-то решение. — Хорошо, тогда вы переночуете у моего приятеля. Он сейчас в командировке, и комната стоит пустая, — сняв со стального колечка один ключ, Николай протянул его девушке. — Получите.

— А будет ли это удобно? — спросила девушка.

— Вполне, — и, взяв девушку за локоть, он пошел через площадь.

— Возьмите лучше под руку, — попросила она.

Николай только сейчас заметил, что она хромает в своих модных туфельках на высоких каблуках. Выругав себя еще раз за невнимательность, он подхватил девушку на руки и, не слушая ее протестов, понес вниз по пустынному бульвару. Она перестала возмущаться, когда увидела, что он не слушает ее, и обняла его одной рукой за шею, чтобы ему было удобнее нести; в другой руке она держала букет. Николаю было приятно нести ее и чувствовать руками теплоту тела, но очень скоро он устал. Что ни говори, это прекрасное тело совсем не мало весило, и, когда Николай опустил ее на тротуар возле серого дома, он совсем задыхался.



...Николай сразу нашел на небе Полярную звезду...

— Какой вы сильный, Николай, — сказала девушка, поправляя платье.

Ему хотелось сказать, что он сумел бы пронести ее через всю Москву, но из его горла вырвался какой-то хрип. Он долго не мог успокоить своего дыхания. На площадке пятого этажа Николай открыл дверь, провел девушку через темную переднюю и зажег свет.

Галина остановилась в дверях и окинула взглядом комнату: письменный стол, на котором лежали свертки чертежей, глубокая тарелка с кусочками сыра, выгнувшимися от жары, и телефонный аппарат с наброшенной на него подушкой. Над диваном висела фотография пожилой женщины, а в углу стояли горные лыжи с креплениями. Опустив лицо в букет сирени, девушка не двигалась и, видно, не могла решить, остаться ей здесь или уйти. Тогда Николай решил поскорей уйти сам.

— Во сколько вам нужно встать? — спросил он.

— Не позже восьми.

— Хорошо, я разбужу вас по телефону. Свежее белье в нижнем ящике стола, хлеб и масло в буфете. Спокойной ночи.

— Постойте, куда вы... — начала было девушка, но он уже не слушал и с шумом закрыл за собой дверь, щелкнув английским замком.

В коридоре он немного задержался перед дверью, но в комнате было тихо. Тогда он на цыпочках вышел на лестницу.

На улице совсем рассвело. Николай постоял немного у подъезда, думая, куда идти, и пошел дальше по бульвару. В конце бульвара он сел на лавку. Над головой шумела молодая листва, будто плескалась в ручье вода. В прозрачном воздухе пронзительно и тревожно загудел паровоз на Окружной, и ему ответил деловитый гудок волжского теплохода на Москве-реке. Николай решил, что просидит так до утра, думая о Гале, но не успел он додумать даже эту мысль до конца, как его голова тяжело качнулась на грудь.

Лежать на скамейке было неудобно. Он осмотрелся по сторонам. В одном месте вдоль дорожки рос невысокий, очень густой кустарник, и Николай подумал, что если он ляжет с той стороны в траве, то с дорожки его не будет видно. Утренний шум, наверное, разбудит его, и он успеет до работы позвонить Гале. Трава пахла пылью, лежать было жестко, но он устал и сразу заснул.

А Галя никак не могла заснуть. Она все думала. Вот учеба кончилась, впереди лето, и как хорошо, что она пошла с ребятами на вечеринку и познакомилась с Колей, и чем больше она смотрела на фотографию женщины на стене, тем больше это лицо казалось ей знакомым и родным. Она решила взглянуть поближе и, сняв фотографию со стены, прочла в правом нижнем углу: «Моему Коленьке от мамы». Она осторожно повесила портрет обратно. Теперь ей стало все понятно, только она не могла сообразить, куда ушел Николай, и ей было жалко его.

— Милый! — шептала она, улыбаясь, и ее сердце сжималось от сладкой боли. — Какой ты милый и глупый!..

В. Ивинг

БАЛЕТ ЛЕНИНГРАДА

Русское балетное искусство многим обязано Ленинграду. Двести с лишком лет этот город был средоточием хореографической культуры страны.

Здесь русские люди по воле Петра I впервые ознакомились с западноевропейскими танцами и, угождая суровому императору, принялись их изучать, дабы преуспеть в «людскости» и «политессе».

В 1738 году Жан-Батист Ланде основал тут первую балетную школу, обязавшись создать «полный французский балет только из русских сил», если ему дадут в обучение шесть девочек и столько же мальчиков «российской нации для сочинения балетов двенадцатью персонами, танцевания театрального, как степенного, так и комического, которые ученики по обучению одного года начнут танцевать на театре... а с двух летех будут танцевать всякие сорты танцевания, потом третий год следовательно будут обучаться для достижения совершенства, которые могут произойти в науке».

С этой даты, с 4 мая 1738 года, ведет свое начало Петербургское (ныне Ленинградское) театральное училище.

Здесь, в этом городе, немец Гильфердинг и итальянец Анжолини, талантливые соперники гениального Новерра, ставя «танцовальные трагедии», прививали русским артистам вкус к драматической выразительности, к игре осмысленной и правдивой.

Здесь при Елизавете и Екатерине II пожинал лавры Тимофей Бубликов, первый русский балетный артист, уравненный по положению с иностранными гастролерами, артист, который «в танцах... был столь отменен, что одно его показание на театре вызывало шум одобрения... беспрестанно почти аплодирован был». И здесь же подвизалась первая знаменитая русская танцовщица А. Данилова—Настенька, как ласково называли ее современники, молодая красавица и высокодаровитая артистка, чей гроб, по преданию, поклонники ее таланта опустили в могилу на соболях и засыпали не землей, а цветами.

С Петербургом тесно связаны имена Истоминой, прославленной Пушкиным, и Телешевой, воспетой Грибоедовым. Здесь когда-то молодой Лермонтов, по собственному признанию, «во все горло» вызывал Новицкую в роли Фенеллы.

В 1768 году здесь на императорской сцене шел аллегорический балет «Побежденное предрассуждение», поставленный «по случаю счастливого выздоровления после привития оспы ея императорского величества и его императорского высочества»; зрители могли видеть «русскую Минерву, шествующую со славой из храма Эскулапа», и восхищаться, как «вооруженная копьем она для благополучия народа на себе самой делает мужественный опыт оспенной прививки, изобретенной для спасения рода человеческого».

А в начале XIX столетия тут показывались романтические балеты Дидло, в которых, по словам Пушкина, было «гораздо более поэзии, нежели во всей французской литературе».

Дидло, этот пламенный фанатик искусства танца, не щадил ни себя, ни своих учеников. Каратыгин пишет про Дидло, что убедился на своем личном опыте, «как он был легок на ногу и как сильно тяжел на руку». Панаева толкует о щипках, пинках, колотушках, которые щедро расточал этот тощий, некрасивый, светлоглазый человек, похожий на дупеля. Согласно Вигелю, «нашим молодым русским танцовщикам и танцовщицам потом и кровью доставалось плясовое искусство». Но Дидло поставил хореографическое образование в России на небывалую высоту, и недаром та же Панаева вынуждена признать, что в день его прощального бенефиса признательные актеры обнимали и целовали руки старику, хотя он и находился тогда в опале у театральной дирекции.

Тут работали превосходные балетмейстеры. Здесь сторонник дивертисментного спектакля А. Сен-Леон боролся и победил Ж. Перро, сторонника реалистических принципов, завещанных Новерром и Дидло, и сам в свою очередь был побежден блистательно-талантливым эклектиком М. Петипа, который с 1847 года по 1903 год осуществил на русской сцене свыше ста постановок.

Вековая борьба между искусством содержательным, насыщенным демократическими тенденциями, проникнутым идеями великих просветителей XVIII столетия, и искусством для искусства, чисто развлекательным, предназначенным для услаждения аристократической верхушки общества,—эта ожесточенная борьба отнюдь не была бесплодной.

Если приверженцы балета драматического вооружали актера новыми выразительными средствами, утверждая, что он должен прежде всего играть, а не только танцовать, что основное — это образ, то приверженцы дивертисментности способствовали развитию танцовальной техники, виртуозности.

В северную столицу приезжали довершить свое хореографическое образование такие артисты, как Е. В. Гельцер, В. Д. Тихомиров, В. И. Мосолова.

В Петербурге начинала свою блистательную карьеру Анна Павлова, которую аргентинцы называли «королевой танца»—«La reina de la danza»,—Павлова, перед искусством которой преклонялась даже отрицавшая классический балет Айседора Дункан, утверждая, что она «обожает» творчество великой артистки и что ей «безразлично, что танцует Павлова, лишь бы видеть ее движения».



«Шопениана» в концертном исполнении учащихся Ленинградского хореографического училища.

Фото А. Гаранина

Немыслимо перечислить всех выдающихся артистов, балетмейстеров, педагогов, декораторов, композиторов, которые работали тут начиная с XVIII столетия и до наших дней. И все они оставили след в искусстве, обогащали его, все передавали последующим поколениям лучшие плоды своих исканий, завещали ленинградскому балету прочные, славные традиции. Он с честью их поддерживает.

До сих пор Ленинградская хореографическая школа остается лучшей в стране. Воспитанники этой школы выступают на всех сценах Советского Союза. Ленинградцев можно встретить и в балетной труппе Большого театра Союза ССР, где работают балетмейстер Р. В. Захаров, артисты М. Т. Семенова, П. А. Гусев, А. Н. Ермолаев, не говоря о ряде других, чьи имена менее известны широкой публике.

Ленинград—неисчерпаемая сокровищница талантов.

Достаточно назвать несколько фамилий из числа тех, что выступали в Москве в дни показа ленинградского искусства. Это Уланова, Вечеслова, Дудинская, Балабина, Иордан, Чабукиани, Сергеев, Дудко, работающие в театре имени С. М. Кирова; Кириллова, Исаева, Зубковский — в балетной труппе Малегот. Все эти имена говорят сами за себя.

Галина Уланова—бесспорно, талантливейшая балерина нашего времени, чье имя так же прочно войдет в историю танца, как некогда имена М. Тальони и А. Павловой. Обладая превосходной техникой, она не поддается соблазну щегольства своим мастерством —погрешности, в которой повинны весьма многие известные артистки балета. Она умеет подчинить средства цели. Танец ее поражает безусильностью, легкостью. Она создает образы изумительной силы и обаяния, полные женственной нежности и целомудренной прелести. Это великий поэт танца. В стиле ее исполнения есть нечто от тонкости и прозрачности пушкинских стихов. Задушевность, глубокое чувство — вот основное свойство ее таланта. Кого бы ни изображала она — фантастическую ли королеву лебедей, появляющуюся, как видение старых немецких легенд, над сероватым ночным озером, мечтательную ли Марию, томящуюся в крымском гареме, шекспировскую Джульетту или ледяную деву норвежской сказки,— всегда и во всем она неповторима. Ей достаточно простым движением положить руку на плечо партнера, чтобы растрогать зрителя до слез и добиться большего впечатления, чем это может сделать иной поэт, громоздящий сотни слов, желая выразить горькую боль, и скорбь, и отчаяние, и беззаветную, преданную любовь.

Т. Вечеслова — выразительная артистка. Ее одинаково привлекает и драматическое и комедийное амплуа.

Чеканно чисты линии, которые, танцуя, чертит своим телом в воздухе Н. Дудинская. Если бы можно было мгновенно закрепить их, сцена наполнилась бы рядом чудесных статуй.

Жизнерадостной мощью старых фламандских картин, почти рубенсовской сочной яркостью отличается танец Ф. Балабиной, обдуманностью—танец О. Иордан.

В. Чабукиани — не только темпераментный танцовщик, но и даровитый балетмейстер.

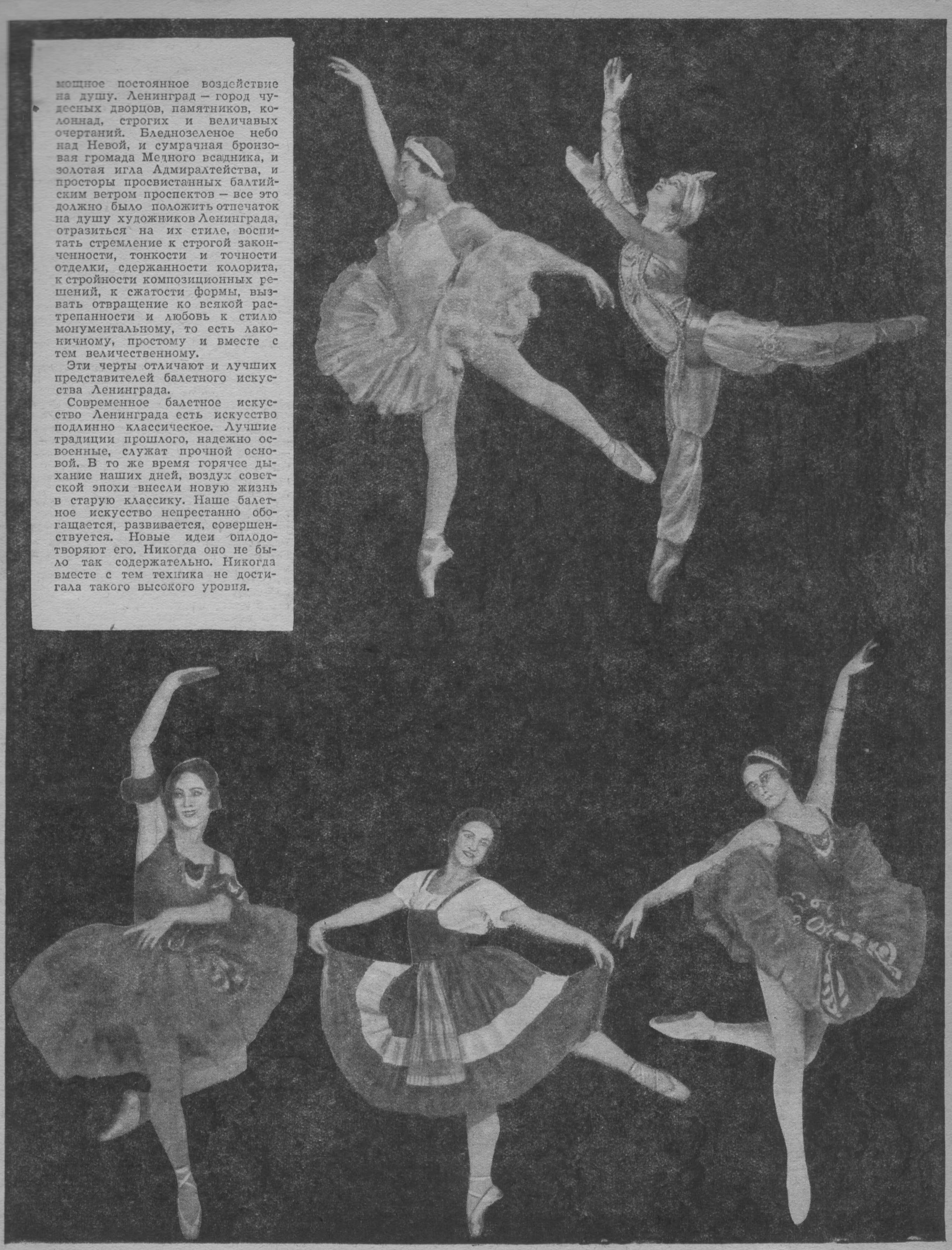
Н. Зубковский воскрешает в памяти того «юного Чезаре, чьи легкие ноги больше находились в воздухе, чем на земле», по выражению автора XVIII века. Его великолепные прыжки с отведенной в бок ногой в роли бесенка недаром вызывали аплодисменты среди действия («Сказка о попе и о работнике его Балде»).

Выразительный актер М. Дудко, отличный танцовщик и артист К. Сергеев—всех даровитых исполнителей, которыми обладает Ленинград, не перечислишь.

Но у всех этих артистов есть одна общая черта. Главное для них — не танец ради танца, а образ.

Несомненное достоинство Ленинграда и в том, что балетмейстерская мысль здесь гораздо быстрее находит осуществление чем в Москве. Ленинградцы не только хранят славные традиции прошлого, но и смело борются за передовое советское искусство. Почти все новые балетные постановки появились вначале здесь («Пламя Парижа», «Бахчисарайский фонтан», «Ночь перед рождеством», «Лауренсия», «Сердце гор», «Ромео и Джульетта» и др.).

Образцы искусства, которыми с детства окружен человек, формируют его художественные вкусы. Архитектура—то искусство, с которым человек чаще всего встречается в повседневном быту. Архитектурный пейзаж оказывает

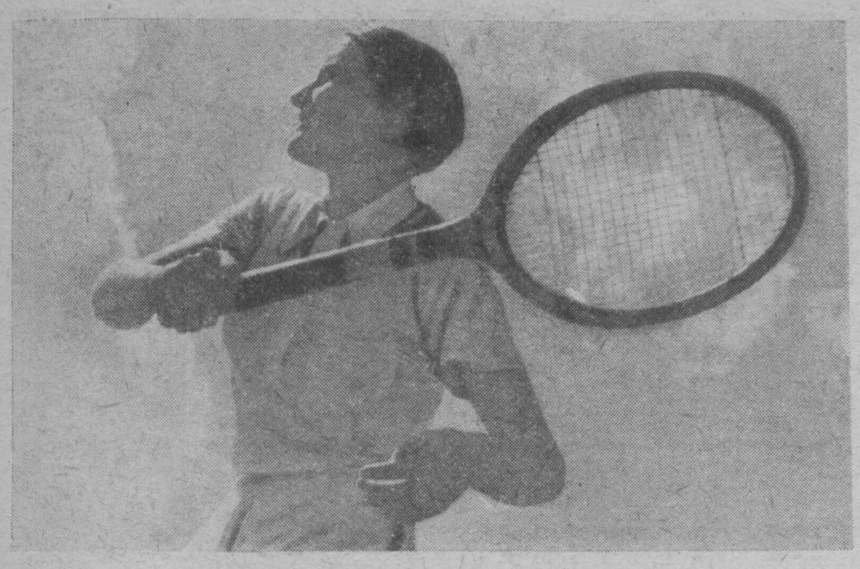


мощное постоянное воздействие на душу. Ленинград — город чудесных дворцов, памятников, колоннад, строгих и величавых очертаний. Бледнозеленое небо над Невой, и сумрачная бронзовая громада Медного всадника, и золотая игла Адмиралтейства, и просторы просвистанных балтийским ветром проспектов — все это должно было положить отпечаток на душу художников Ленинграда, отразиться на их стиле, воспитать стремление к строгой законченности, тонкости и точности отделки, сдержанности колорита, к стройности композиционных решений, к сжатости формы, вызвать отвращение ко всякой растрепанности и любовь к стилю монументальному, то есть лаконичному, простому и вместе с тем величественному.

Эти черты отличают и лучших представителей балетного искусства Ленинграда.

Современное балетное искусство Ленинграда есть искусство подлинно классическое. Лучшие традиции прошлого, надежно освоенные, служат прочной основой. В то же время горячее дыхание наших дней, воздух советской эпохи внесли новую жизнь в старую классику. Наше балетное искусство непрестанно обогащается, развивается, совершенствуется. Новые идеи оплодотворяют его. Никогда оно не было так содержательно. Никогда вместе с тем техника не достигала такого высокого уровня.

Вверху (слева направо): народная артистка РСФСР Г. С. Уланова и заслуженная артистка РСФСР Т. М. Вечеслова; внизу: заслуженные артистки РСФСР О. Г. Иордан, Ф. И. Балабина и Н. М. Дудинская.



На теннисном корте.



«Ласточка».

Сем. Нариньяни

СЕГОДНЯ НА СТАДИОНЕ

Фото М. Ананьина, Н. Волкова, Е. Игнатович и И. Фигурова.

Спортивное лето в нашей стране начинается по свистку футбольного судьи. Конечно, не везде в одно и то же время футбольный судья вызывает физкультурников на поле. Например в городе Фрунзе первый матч текущего сезона состоялся... 1 января, в Москве футболисты обновили свои буцы в середине апреля, а в Архангельске им удалось выйти на поле только в конце мая.

По установившейся традиции, дорогу в лето прокладывают футболисты, а вслед за ними начинают уже готовиться к предстоящим соревнованиям легкоатлеты, велосипедисты, пловцы, теннисисты, городошники, конники...

Сейчас период подготовки и тренировок уже закончился. На беговых дорожках, теннисных кортах, треках, водных станциях тысячи физкультурников начали борьбу за новые рекорды и новые достижения в советском спорте.

Мастера кожаного мяча давно сражаются за почетное звание чемпионов страны. Футбольное первенство — самое популярное и самое длительное спортивное соревнование в Советском Союзе. Начинается оно ранней весной и заканчивается поздней осенью. Участвуют в соревновании четырнадцать самых лучших показательных команд. В их число в этом году попали семь московских команд («Спартак», ЦДКА, «Локомотив», «Металлург», «Динамо», «Торпедо», «Крылья Советов»), две команды из Ленинграда («Динамо», «Зенит»), две — из Тбилиси («Динамо», «Локомотив») и по одной команде из Киева («Динамо»), Сталино («Стахановец») и Сталинграда («Трактор»).

Какой же из четырнадцати показательных коллективов завоюет в 1940 году имя футбольного чемпиона?

Уже первые игры показали, что у прошлогоднего чемпиона — московского «Спартака» — много серьезнейших соперников. К ним следует отнести тбилисское «Динамо», московское ЦДКА и сталинградский «Трактор».

Игра тбилисцев отличается темпераментностью и быстротой. Лидер тбилисского нападения Пайчадзе — игрок исключительно высокой техники и футбольного мастерства. Он очень легко обходит защитные линии противника, обстреливая вратарей сильными и неожиданными мячами.

Сила ЦДКА так же, как и у тбилисцев, в нападении. В команде Центрального дома Красной Армии нападающих возглавляет Григорий Федотов, которого не без основания советские спортсмены именуют футбольным гроссмейстером. До 1939 года Федотов считался лучшим левым крайним. В середине прошлого сезона ЦДКА поставил его в центр нападения, и Федотов стал лучшим центрофорвардом. Любая команда, выступающая против ЦДКА, выделяет из числа своих защитников не меньше двух сторожей исключительно для того, чтобы «держать» Федотова. Но эти сторожа помогают мало. В прошлом сезоне Федотов занял первое место среди форвардов, забив наибольшее количество голов.

В игре лидера сталинградских форвардов Александра Пономарева много общего с игрой Федотова и Пайчадзе. Пономарев столь же неутомим на поле, как тбилисец, и так же хитер в тактике, как москвич. Правда, у Пономарева меньше опыта (он моложе и Пайчадзе и Федотова), однако у сталинградца имеются и свои отличительные качества — это неиссякаемый напор, который вообще выгодно отличает всю команду «Трактора» от многих других футбольных коллективов.

Звание чемпиона страны намереваются оспаривать у «Спартака» и представители так называемого комбинационного стиля игры: московское, ленинградское и киевское «Динамо». Шансов на победу у каждой из этих команд много, однако у всех у них имеется один общий недостаток: слабая спортивная дисциплина команды. И московское и ленинградское «Динамо» могут в прекрасном стиле выиграть подряд 5—6 матчей, а затем совсем неожиданно проиграть 2 — 3 игры значительно более слабым противникам.

Но кто бы в этом году ни выиграл звание чемпиона страны, ясно одно: текущий сезон будет плодотворным не только для общего подъема футбольного мастерства, но и для выработки новой тактики футбольной игры. Наши команды уже не удовлетворяются той защитной тактикой, которая культивировалась в последние годы ведущими коллективами. Успех в первых же играх на первенство команд атакующего стиля заставил даже особо упорствующих сторонников защитной тактики заняться пересмотром своих позиций.

В этом году в отличие от прошлых лет розыгрыш футбольного кубка будет проводиться не параллельно с играми на всесоюзное первенство, а по окончании их, примерно в октябре, ноябре. Причем показательные

Играют команды «Спартак» и «Динамо» (Тбилиси). Мяч у ворот «Динамо».

команды будут оспаривать кубок Всесоюзного комитета, а для всех других клубных команд учреждается особый Всесоюзный кубок.

Большие надежды возлагают на текущий летний сезон и наши легкоатлеты.

Георгий Знаменский рассчитывает взять реванш за прошлогодний проигрыш и снова отвоевать у своего брата Серафима рекорд в беге на 10 тысяч метров.

Всю зиму в свободное от учебы время (братья Знаменские учатся на четвертом курсе медицинского института) Георгий регулярно тренировался. В программу этих тренировок входили: ежедневные прогулки от дома до института и обратно (10—12 километров), гимнастика, кроссы в Сокольниках, а в выходные дни сорокаминутный пробег вокруг бульварного кольца. Однако и Серафим Знаменский вряд ли уступит первое место без серьезной борьбы. Вообще уже в течение нескольких лет братья Знаменские упорно соперничают на всех стайерских дистанциях. Это соперничество принесло советским легкоатлетам много хорошего. Из году в год братья улучшают наши рекорды на дистанциях в 3—5—10 тысяч метров, а в сезоне 1939 года оба они добились новых успехов и попали в десятки лучших бегунов мира: Серафим—на шестое место, Георгий—на седьмое. Сейчас братья Знаменские выступают от различных спортивных обществ: Георгий—от «Медика», Серафим—от «Спартака». Нужно думать, что в этом году Знаменские вместе с другими советскими стайерами намного улучшат свои рекорды, еще сильнее приблизив их к мировым.

Новых успехов следует ожидать и от наших мительштрекеров. Прошлогодняя борьба на средних дистанциях, особенно между Пугачевским («Динамо») и Максимовым («Пищевик»), намного улучшила старые советские рекорды, приблизив их к мировым. Сейчас наши мительштрекеры находятся в прекрасной спортивной форме.

В значительно худшем положении обретаются наши спринтеры. Вот уже свыше десяти лет, как они не могут улучшить рекорда в беге на 100 метров. Советские легкоатлеты отстали от зарубежных спортсменов не только в беге на короткие дистанции, но и в прыжках в длину. Наши лучшие секунды и метры в этих видах легкой атлетики были показаны в Америке и Европе еще 30—40 лет назад. Будем надеяться, что спортивная молодежь в текущем сезоне добьется в спринте таких же успехов, каких добились в 1939 году их сверстники—мительштрекеры.

Кстати, в прошлом году наша молодежь прекрасно зарекомендовала себя не только в беге на средние дистанции: из 24 видов мужских легкоатлетических соревнований 11 первых мест заняли двадцатилетние спортсмены, а у женщин выдвижение молодежи сказалось еще сильнее: здесь из 16 чемпионок 11 двадцатилетних, среди которых такие замечательные мастера, как Нина Думбадзе, установившая новый мировой рекорд в метании диска, комсомолка Женя Сеченова—новая рекордсменка в беге на 200 метров, О. Овсянникова—новая рекордсменка в беге на 2 тысячи метров, К. Лаптева.

Физкультурная молодожь готова и в этом году встретиться в спортивных сражениях со «стариками», дабы поднять на еще большую высоту класс советской легкой атлетики.

Не менее захватывающая борьба предстоит и на водных дорожках. Советские пловцы начали этот год совсем не плохо. На первых же соревнованиях в Москве и Ленинграде Леониду Мешкову удалось установить новые мировые рекорды в брассе на 400 и 500 метров, а Виталий Ушаков проплыл 100 метров кролем с новым рекордным временем, заслуженно попав в пятерку лучших мировых кролистов. Но эти замечательные достижения—еще не предел для наших пловцов. Летний сезон только начался, а у Мешкова и Ушакова немало достойных соперников. Здесь мировой рекордсмен С. Бойченко, Васильев, Пустяков и другие.

Любители тенниса с нетерпением ожидают соревнований на кортах. Многие не без основания предсказывают здесь немало всяких неожиданностей. Наконец и в этом виде спорта подросла талантливая смена, среди которой обращает на себя внимание чемпион Союза среди юношей Озеров, чемпионка среди девушек Ветошникова, Придворов, Белиц-Гейман и другие.

Особый интерес представляет участие в теннисных соревнованиях 1940 года такого выдающегося мастера ракетки как Гебдз (Львов).

В общем к какому бы отряду советских физкультурников вы ни обратили свой взор, всюду и везде вы увидите борьбу за новые рекорды, за более высокий класс спортивного мастерства. Да так оно и должно быть.

«У нас физкультура, — говорил М. И. Калинин, вручая 7 июня 1938 года ордена награжденным мастерам спорта, — народный спорт, у нас в физкультурном движении участвуют миллионы. И, разумеется, среди этих миллионов скорее можно найти таланты, чем в тысячах, и в тысячах легче найти таланты, чем в сотнях.

Вот почему наши мастера физкультуры должны быть лучше чем в капиталистических странах. Наши футбольные команды должны быть лучше каждой буржуазной футбольной команды. Наш спорт должен развивать, культивировать силу, ловкость, умение, организованность, чтобы победить буржуазных спортсменов на футбольном поле, на беговой дорожке и в других видах спорта...»

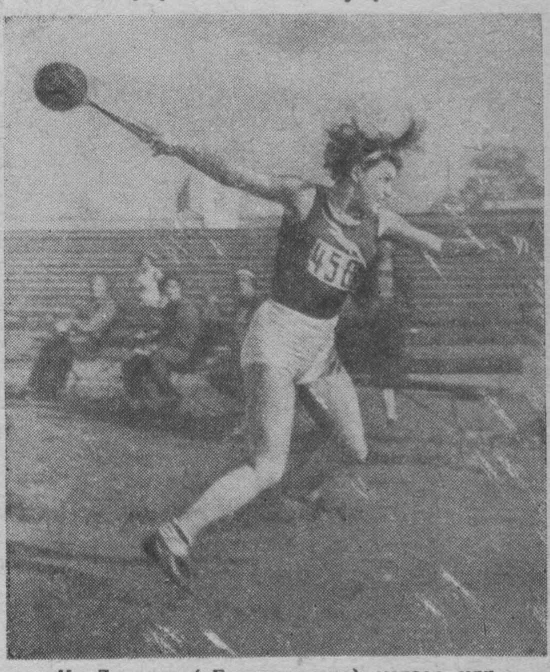
Будем надеяться, что текущий сезон пройдет плодотворно и принесет новые победы советским физкультурникам.



На зеленом поле.



Серафим Знаменский у финиша.



К. Лаптева («Буревестник») метает мяч.



Семен Бойченко. Старт.

М. Лучанский

ЭКРАН ПОЛУЧАЕТ ГЛУБИНУ

В Париже, в полуподвальном кафе, сорок пять лет назад инженер и изобретатель Луи Люмьер впервые показывал публике изобретенную им с братом Огюстом «живую фотографию» — первые кинематографические ленты. Инженер погасил свет — и на полотне, висевшем на стене, перед зрителями появился поезд, который медленно подходил к вокзалу, из фабричных ворот выходили рабочие.

Зрелище это ошеломило первых кинозрителей, они в испуге шарахались от экрана. Затем страх и недоумение перешли в радость, раздались восторженные аплодисменты. Когда сеанс кончился и Люмьер снова зажег свет, многие из зрителей подходили к стене и недоверчиво ощупывали повешенное инженером простое белое полотно.

С того дня замечательное изобретение Люмьера пережило ряд больших преобразований. В двадцатых годах нашего века «Великий немой» заговорил. На Западе и у нас (инженер П. Тагер) были разработаны методы записи звука электрическим путем; рядом с кадром — изображением на пленке — пролегла узкая звуковая дорожка — фонограмма. Одновременно велась большая работа по цветному кино. Немое и серое изображение на экране получило звук и цвет.

Самой трудной оставалась, однако, третья задача: преодолеть плоскость экрана, придать ему, кроме двух измерений — ширины и высоты, — еще третье: глубину. Тогда изображение на экране станет объемным, рельефным, или стереоскопическим.

Над этим вопросом работают техники, изобретатели, конструкторы во всем мире. Но все многочисленные системы, предлагаемые на Западе (Америка, Германия, Франция), плохо решают задачу. Во-первых, они требуют коренной перестройки всех съемочных и проекционных (демонстрирующих фильм на экран) аппаратов. Во-вторых, большинство предложенных систем затрудняет зрителя: требуется либо применение специальных очков (цветных или оптических) или специальных механических приспособлений, устроенных перед каждым зрителем.

Теперь сложная проблема стереоскопического, или объемного, кино решена по совершенно оригинальному принципу у нас, в СССР, советским изобретателем Семеном Павловичем Ивановым.

●

...Несколько журналистов, несколько творческих и производственных работников-кинематографистов сидят в небольшом просмотровом зале стереокино московской студии «Союздетфильм».

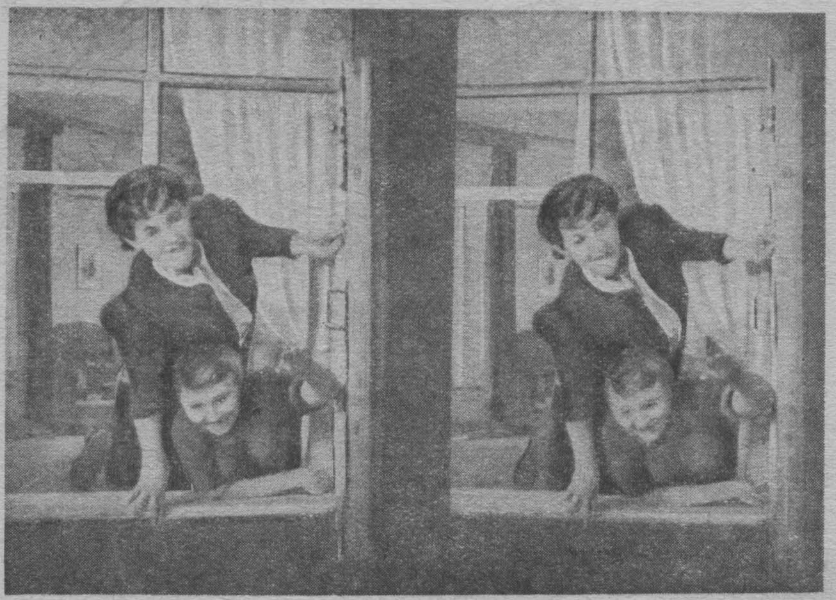
Мы сразу же обращаем внимание на экран. Поверхность его не полотняная, а стеклянно-матовая, форма не обычная, горизонтальная, а вертикальная, напоминающая книжную страницу.

Изобретатель, несколько волнуясь перед зрителями-новичками, велит начать сеанс.

— Вам нужно только сперва научиться смотреть стереокино. Не смущайтесь, это займет всего секунд пятнадцать, — раздается голос С. П. Иванова. — Слегка поверните голову вправо или влево на несколько сантиметров, пока вы не найдете для себя ту точку, с которой увидите полный стереоскопический эффект, то есть впечатление полного объема, глубины.

И вот мы видим двух девушек, выходящих к нам из глубины третьей комнаты. Именно из глубины: мы так отчетливо различаем пространство задней, средней, передней комнат.

Но самое удивительное — то, что происходит не в глубине экрана, а *п е р е д* ним, между зрителями и изображением.



Кадр из экспериментального объемного фильма. Черный промежуток между обеими половинками кадра используется для звуковой дорожки (фонограммы), на которой электрическим путем записан звук.

Одна из девушек протягивает вперед руку, в которой держит сетку для ловли бабочек. В первый момент хочется инстинктивно отодвинуться назад: кажется, что сетка вот-вот дотянется до вашего лица. Кадр меняется: на экране артист курит папиросу. Кольца табачного дыма, тая, медленно плывут в зрительный зал. Сила иллюзии так велика, что хочется помахать рукой, развеять последние остатки дыма... Другой актер выпускает двух птичек, которые летят в зал и мирно усаживаются на веревке, вдруг повисшей от зрителя к экрану. Конечно, и птички и веревка — только изображение (проекция). Однако впечатление очень сильно. Один из демонстрирующих, первый режиссер стереоскопического кино А. Андриевский, встает с места, подходит к экрану, поднимает руку.

— Видите вы мою руку? — спрашивает он у сидящих.

— Да, конечно.

— Где она, перед птичками? Закрывает их?

— Нет, — в один голос отвечают из зала, — птички сидят на веревке *п е р е д* вашей рукой, вы стоите *м е ж д у* птичками и экраном.

Изобретатель в углу удовлетворенно улыбается. Стереоскопический эффект достигнут полностью. Кинематограф, экран, получил третье измерение.

●

«По специальности я не кинематографист, не техник, а художник-оформитель, — рассказывает нам С. П. Иванов. — Еще со времен великих мастеров Возрождения мы, художники, отлично знаем, что плоскостное изображение можно «лепить» светом, создавать им впечатление глубины и объемности. Сама природа творческого воображения художника заставляет его думать третьим измерением — пространством и глубиной.

Работая как художник (даже раньше — еще на школьной скамье), я задумывался над мыслью, как бы добиться глубины и в изображении на экране».

На наших глазах, в памяти нашего поколения, кино получило сперва звук, затем — цвет. Беспрерывно совершенствовались съемочные и проекционные аппараты. Упорно не менялось в кинематографе только одно — экран.

На этот экран — полотно — и обратил свое внимание изобретатель. Начав работать над стереоскопическим кино, С. Иванов сразу отказался от очков и других приспособлений, затрудняющих зрителя. После пяти лет долгих и сложных экспериментов С. Иванов пришел к тому, что сам он называет «индустриализацией экрана». Он отказался от обычного «пассивного» экрана — полотна. Экран системы Иванова представляет сложную оптическую (растровую) систему, которая работает на зрительный зал как объектив киноаппарата.

Вся же остальная аппаратура — съемочная и проекционная — не требует никаких переделок, кроме очень несложной зеркальной приставки. При съемке стереоскопического фильма с помощью такой приставки кадр на пленке делится на два изображения — для правого и левого глаза; при проекции на оптический экран системы С. Иванова оба изображения дают объемный, рельефный эффект. Промежуток между обеими половинками кадра используется для звуковой дорожки (фонограммы).

Одна из самых интересных особенностей изобретения С. П. Иванова, обещающая в ближайшем будущем новые художественно-творческие возможности стереоскопического экрана, заключается в способности объемного кино давать не только общую глубину и рельефность *п о о б е с т о р о н ы э к р а н а*, но и подчеркивать объемно *л ю б у ю* часть изображения, отдельную его деталь. Сетка для ловли бабочек, кольца табачного дыма, птички, сидящие на веревке, должны были продемонстрировать нам именно эту художественную особенность изобретения тов. Иванова.

«Отныне наши режиссеры и операторы должны перестать мыслить *п л о с к о*», — шутят товарищи Иванов и Андриевский. Андриевского как кинорежиссера новые художественные возможности стереоскопического кино очень увлекают. Он уже готовится к съемкам первого стереоскопического фильма «Земля молодости» по собственному сценарию.

●

К своим результатам — их уже теперь можно без всякого преувеличения назвать замечательными — С. П. Иванов пришел после долгой и напряженной работы. Дались они нелегко. Достаточно сказать, что Научно-исследовательский кинофотоинститут (НИКФИ) относился к изобретению тов. Иванова очень прохладно, не очень торопился поддержать «чужую» идею... На художника-изобретателя находили минуты отчаяния, появлялись даже мысли о том, не бросить ли дело. Помогли группа товарищей, ощутимые результаты работы и — в последнее время — Комитет по делам кинематографии.

Сейчас, когда самое трудное осталось позади, когда принципиальные и технические основы стереоскопического кино уже решены, изобретатель вместе с небольшой группой товарищей-энтузиастов (режиссер А. Андриевский, конструктор П. Цыбышев) продолжает работать над совершенствованием своего изобретения. Ведутся работы по дальнейшему улучшению оптического экрана, большей экономии света, лучшему его использованию и т. д.

В скором времени один из крупнейших кинотеатров Москвы будет переоборудован под стереоскопическое кино. Двухмерный плоскостной экран, существующий почти полвека, благодаря таланту молодого советского изобретателя впервые во всем мире сменится трехмерным, покажет советскому зрителю мир в его объемах, глубине.

Вслед за звуком и цветом на вооружение советского киноискусства поступает третье измерение, выдвигающее новые творческие задачи перед всеми художниками советского кинематографа и обещающее невиданные возможности дальнейшего художественного обогащения самого массового и самого важного из искусств.

М. Беляев

НОВЫЕ РИСУНКИ ПУШКИНА

Одной из особенностей академического издания сочинений Пушкина, отличающего его от всех других изданий великого поэта, является дополнительный, XVII том, посвященный исключительно толковому каталогу и альбому рисунков Пушкина (под редакцией Т. Г. Зенгер и М. Д. Беляева).

Наличие рисунков в черновых рукописях Пушкина уже давно обращало на себя внимание всех, кто имел дело с этими рукописями. Вот почему уже в первом посмертном издании (1837—1838 гг.) появилось факсимиле рисунка, изображающего монаха



П. А. Катенин.

у окна кельи. После этой первой публикации ни одно из собраний сочинений поэта не обходилось без публикации нескольких его рисунков. То же видим мы и в альбомах, посвященных ему выставок 1880, 1899 годов. Были попытки дать и смысловые пояснения отдельным из этих рисунков.

Однако дальше этого дело не шло. Считалось, быть может, с легкой руки самого Пушкина, что все эти рисунки—не более как шалости пера, не имеющие какого-либо мало-мальски серьезного значения. Даже его многочисленные автопортреты, поражающие остротой своего сходства, трактовались всего лишь как шаржи, не имеющие вовсе или имеющие самое незначительное иконографическое значение (см. С. Либрович).

Вопрос о том, как, под влиянием каких обстоятельств возникали эти беглые, острые рисунки, каков их тайный смысл, в каком соотношении находятся они с сопровождающим их текстом, видимо, или никогда вовсе не приходил на ум никому из первых исследователей Пушкина или, если и приходил иногда, то никогда не останавливал сколько-нибудь надолго их внимания. В расшифровке отдельных рисунков довольствовались либо подписями самого Пушкина, что встречается чрезвычайно редко (например портрет гр. Лаваля, карикатура на Дегильи), либо устными толкованиями современников (Киселева и др.), либо, наконец, как исключение, в отдельных, уже совершенно несомненных случаях, рисковали определить сами (например иллюстрации к «Гробовщику», «Дон-Жуану» и т. д.). Главная же масса рисунков так и оставалась совершенно не определенной.

Лишь в 1899 году Г. П. Георгиевский в статье «Семь рисунков Пушкина», в № 6 «Русского вестника» 1899 года, а в 1915 году И. К. Линдеман в своей, ныне мало кому известной брошюре «А. С. Пушкин как художник и рисовальщик», поставили вопрос о необходимости изучения рисунков Пушкина.

Призыв этот был услышан только наполовину, так как вместо систематической общей работы стали появляться рассеянные по газетам и журналам отдельные статьи, вернее даже сказать, заметки Н. О. Лернера, П. Е. Щеголева, М. А. Цявловского и других, которые являлись не более как истолкованиями одного или нескольких рисунков Пушкина.

В 1930 и 1933 годах вышли два издания книги А. М. Эфроса «Рисунки поэта». Книга эта до известной степени подвела итог работам предшествующих исследователей, а частью и пополнила их. По его следам пошли Б. В. Томашевский, Т. Г. Зенгер и другие, давшие несколько интересных статей по частным вопросам, связанным с рисунками Пушкина.

Отныне пропал старый взгляд на рисунки Пушкина как на случайный придаток к его черновым рукописям. Родилась и окрепла мысль, что это отдельная отрасль его художественного творчества, тем более интересная, что она еще почти совершенно не изучена.

В соответствии с этим было признано необходимым включить в юбилейное полное собрание сочинений Пушкина особый том, посвященный исключительно рисункам поэта.

В этом томе описано около двух тысяч рисунков. Тематически рисунки делятся на автоиллюстрации, автопортреты, портреты различных лиц, пейзажи, интерьеры, рисунки различного содержания, беспредметные рисунки—чисто декоративного характера, наконец отдельную группу составляют перерисовки на память статуй, картин и рисунков, виденных Пушкиным.

Конечно, нельзя и ожидать, что в этом первом толковом каталоге будут расшифрованы все рисунки. Наоборот, количественно расшифровано меньшинство. Однако, если принять во внимание повторяемость портретных зарисовок Пушкина, а также учесть все зарисовки, лишенные портретного и локального значения, и беспредметные композиции, то небольшое по абсолютному своему количеству число расшифрованных рисунков в процентном отношении является уже довольно значительным.

Слепые, неясные по своему содержанию и смыслу рисунки Пушкина, которые как непонятный сложный узор густо покрывали значительнейшую часть страниц его рукописей (особенно тех из них, которые относятся к молодым годам), шаг за шагом становятся все понятнее и понятнее, а по мере их выяснения открываются и многие, доселе неясные или даже вовсе не известные черты его биографии, а порой и творчества.

Когда мы всматриваемся во все эти рисунки, то на полях рукописей Пушкина для нас начинает развертываться новый, доселе неизвестный для нас рассказ, рассказ тем более интересный, что порою он, несомненно, умышленно зашифрован самим автором в графические образы, более подходящие для криптограммы чем словесное начертание (смотри, например, весь цикл рисунков, относящихся к «Декабристам»).

Что касается самых рисунков Пушкина, то если им и недостает профессионального мастерства, это с лихвой возмещается необычайной зоркостью и точностью его глаза, громадной зрительной памятью, исключительной эмоциональностью и уверенностью его штриха, изумительной способностью быть простым, лаконичным и четким в своих графических выражениях. Если бы эти качества соединялись в Пушкине еще и с надлежащими профессиональными навыками, мы бы, несомненно, имели в его лице не только великого поэта, но и выдающегося художника.

Да и теперь его портреты поражают остротой своих характеристик, делающих из них порою настоящие психологические этюды; его пейзажи, изображения живой и мертвой природы полны подлинного реализма; его автоиллюстрации изобилуют такими подробностями, которые легко показывают нам, что, творя свои литературные произведения, он как настоящий художник совершенно ясно видел перед собою то, о чем он в данный момент писал.

Какие же существуют методы распознавания смысла рисунков Пушкина? Скажем прямо: твердых, научных принципов пока еще не существует, многое постигается интуитивно, однако некоторая сумма приемов уже определилась. Возьмем хотя бы портреты, так как Пушкин—по преимуществу портретист. Сейчас М. А. Цявловский составляет интереснейшую картотеку знакомых Пушкина, причем число лиц, зарегистрированных им, достигает уже громадной цифры—тысячи с лишком человек.



Наталия Николаевна Гончарова.

Из этого количества по внешнему своему виду нам известна едва ли половина. О наружности остальных мы либо не имеем никакого представления либо имеем лишь весьма приблизительное (по случайным словесным описаниям). При определении того, кого именно хотел изобразить Пушкин, мы должны пользоваться и тем и другим. Однако, чтобы не попасться на случайном сходстве, мы должны проверять наше определение хронологией рисунка, дающей нам сведения о том, могло ли то или иное лицо быть изображенным Пушкиным в это время. Надо учесть и то, почему именно тогда у Пушкина мог возникнуть интерес именно к этому лицу. Только при совпадении всех этих факторов можно с достаточной долей вероятия определить рисунок.

Как видим, для каждого рисунка должна быть проделана довольно большая подготовительная исследовательская работа. В частности, громадное значение имеет датировка рисунка, которая в значительной части случаев совпадает с датировкой текста того произведения, на полях которого сделан данный рисунок. Но иногда датировка определяется гораздо более сложным путем: при помощи писем, мемуаров, свидетельств современников и тому подобных данных.

Вот почему, быть может, и самая возможность расшифровки рисунков Пушкина могла возникнуть лишь в наши дни, при наличии детальной разработки пушкиноведения.

Те же примерно приемы с некоторыми видоизменениями существуют и для определения рисунков пейзажных, иллюстрационных и других.

Выходящий том рисунков Пушкина должен сыграть в изучении этой стороны творчества Пушкина роль твердого начала, примерно такую же, как некогда сыграло первичное описание рукописей, сделанное В. Е. Якушкиным. Последующие текстологи давно уже опередили его, но когда-то труд Якушкина поставил в изучении рукописей Пушкина первые вехи, которые дали возможность идти дальше и глубже.



МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ НАЛИЧНЫМИ. В отделе писем ньюйоркского «Таймса» попадаются иногда замечательные курьезы. В одном из майских номеров этот отдел открылся оповещением некоего Семюэля Хардена Черча о том, что, стремясь предотвратить расширение войны, несколько американских граждан поручило ему предложить награду в размере миллиона долларов наличными лицу или лицам, доставившим виновника войны, живого и невредимого, в распоряжение Лиги наций. «Это предложение,— указывалось в извещении,— сохраняет свою силу на протяжении всего мая 1940 года. Подпись: Семюэль Харден Черч, председатель института Карнеги в Питтсбурге».

В отделе информации газета спешила сообщить, что д-р Черч, по его собственным словам, не шутит; что план его в течение трех месяцев всесторонне обсуждался в питтсбургском клубе Дюкена (члены его— каменноугольные и стальные магнаты); что 50 американских граждан поддерживают этот план и готовы уплатить вышеупомянутую награду; что, по мнению д-ра Черча, план его практически осуществим и способен воспламенить воображение смелых людей.

Предложение Черча не только воспламенило воображение, но и раздразнило апетиты некоторых из его сограждан. Некий Джозеф Дж. Дункель телеграфировал ему: «План похищения готов... Нужно 25 тысяч долларов... Телеграфируйте инструкции, шлите деньги. Вылетаем по получении аванса». Другие корреспонденты д-ра Черча были менее скромны: они требовали уже не 25, а 100 тысяч долларов.

СУДЬБА ИЗОБРЕТЕНИЯ. Д-р Уокер, видный английский хирург, обратился недавно на страницах «Британского медицинского журнала» к своим коллегам с просьбой помочь ему освободиться от одной навязчивой идеи, которая мучает его уже больше 30 лет, или обратить на его предложение внимание властей.

Д-р Уокер проследил, что причиной смерти примерно каждого третьего из убитых и умерших от ран является ранение в грудь и что всего три процента лиц с такими ранениями попадают на перевязочные пункты: остальные гибнут на поле битвы от потери крови. Он знал также, что причиной большей части ранений являются не пули, а металлические осколки и что такие осколки часто задерживаются портсигаром, пачкой писем и т. п. предметами, находящимися в кармане бойца. Это привело его к мысли включить в военное обмундирование выгнутую стальную пластинку, которая служила бы своего рода щитом. Носить ее д-р Уокер предлагал в специальном кармане, на сумке противогаза.

Во время первой мировой войны д-р Уокер послал докладную записку о своем изобретении в генеральный штаб британской армии. Так как он указывал, что эта выгнутая стальная пластинка, если снабдить ее ручкой, может быть использована так же, как саперная лопатка, его докладная записка попала в «отдел снабжения окопов» министерства боеприпасов и успокоилась там. Вероятно, все следы ее скоро затерялись бы в этих дебрях, но приятель Уокера — Асквит — обратил на его предложение внимание Уинстона Черчилля. Черчилль предложил д-ру Уокеру пост эксперта по вопросам легкого вооружения в британской армии, другими словами,— должность, занимая которую, он мог бы легче вести борьбу за осуществление своего предложения. Но перспектива бросить медицину и погрузиться в бюрократические дебри не привлекала врача, и он предпочел остаться в своем полевом госпитале, надеясь, что его разумная идея в конце концов проложит себе путь. Надежда оказалась тщетной.

УЖАСНОЕ ОТКРЫТИЕ. Если верить американской прессе, граждане города Хартфорда в штате Индиана (США) пережили недавно тяжелое потрясение. Город их издавна славился тем, что в нем нет ни одного негра. И вдруг... оказалось, что один из самых уважаемых старожилов города, богач и «благотворитель», принятый в лучших домах и клубах, почти тридцать лет «надувал» весь город, скрывая, что он негр.

Необычными во внешности Джорджа Д. Стивенса были его большая борода и усы. Но богатый человек может позволить себе маленькую странность. Никому и в голову не приходило, что усы и борода помогали Джорджу Стивенсу скрывать характерный негритянский рот. Так и сошел бы Джордж Стивенс в могилу, окруженный всеобщим уважением, если бы перед смертью он не сообщил адрес своего брата, живущего в Акроне, в штате Огайо. Прах Стивенса, по его желанию, повезли для похорон в Акрон. Друзья, сопровождавшие тело из Хартфорда, едва устояли на ногах, когда увидели, что и брат Стивенса, и тетя его, и все племянники и племянницы... черные... Джорджу Стивенсу просто повезло: на его цвет кожи оказала решающее влияние кровь белого, замешавшаяся в жилах его предков.

«Я не мог бы испытать большего потрясения, даже если бы узнал, что моя собственная жена — китаянка»,— с глубоким возмущением заявил по поводу этого посмертного разоблачения один из граждан города Хартфорда, города, честь которого отныне запятнана «гнусным обманщиком».

Не правда ли, этот достопочтенный «гражданин города Хартфорда» мог бы занять действительно почетное место среди дикарей? Да и не он один.

Новое в науке и технике

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ. В научно-исследовательских учреждениях едва ли не всех стран в последнее время проводятся очень интересные работы, результаты которых, возможно, откроют пути для практического использования энергии, скрытой внутри ядер атомов. Эти работы являются развитием открытия, сделанного в 1939 году двумя немецкими учеными: Ханом и Штрассманом,— установившими, что под влиянием бомбардировки урана нейтронами ядра урана распадаются на две, примерно равные по массе, части. Одна из них может, например, быть ядром атома бария, то есть элемента, значительно более легкого чем уран. Дальнейшее изучение показало, что при распаде урана выделяется громадная энергия, порядка 200 миллионов вольт.

Это открытие вызвало интерес крупнейших физиков мира. Знаменитый датский физик Нильс Бор и американский ученый Уилер высказали предположение, что при распаде урана в результате бомбардировки его медленными нейтронами распадается не основной изотоп урана с атомным весом 238 (U-238), а мало распространенный изотоп его с атомным весом 235 (U-235).

Несколько месяцев назад в лаборатории физического факультета Миннезотского университета (США) впервые удалось выделить U-235 в чистом виде, правда, в ничтожной дозе — около одной миллионной доли грамма. Исследование этого образца и больших доз U-235, полученных впоследствии в лаборатории Колумбийского университета под руководством профессора Даннинга, доктора Нира и других видных американских ученых, подтвердило правильность гипотезы профессора Бора. Исследование показало, что ядра атомов U-235 под действием медленных нейтронов действительно распадаются с выделением громадной энергии.

При наличии большой массы U-235 процесс этого распада, раз начавшись под влиянием нейтронов, попавших извне, может продолжаться «автоматически». По гипотезе профессора Даннинга и других американских ученых, о работах которых сообщает в большой статье газета «Нью-Йорк таймс», этот процесс можно осуществлять следующим образом. U-235 помещают в обыкновенную воду. Быстрые нейтронные «снаряды» попадают из атмосферы в воду, где в результате столкновений с ядрами атомов водорода, протонами, теряют значительную часть своей энергии, то есть замедляются. (Это необходимо, так как на ядра U-235 особенно сильно действуют медленно движущиеся нейтроны.)

Предположим, что один из медленных нейтронов попал в ядро U-235 и вызвал его распад. При этом распаде из ядра выделяются новые нейтроны, которые в свою очередь бомбардируют ядра других атомов U-235. Но так как процент попаданий нейтронных «снарядов» в ядра атомов невелик, то для дальнейшего использования нейтронов, то есть чтобы они вызвали новые превращения, необходима относительно большая масса U-235.

Получить же такую массу (порядка десятков килограммов) ученые до сих пор не смогли. В этом направлении, как сообщает «Нью-Йорк таймс», ведется очень напряженная работа, результатами которой заинтересованы не только чисто научные учреждения, но также и промышленность.

Чем же объясняется этот интерес? Дело в том, что в результате высвобождения энергии, скрытой внутри ядер атомов, вода, в которой при вышеуказанном процессе помещается U-235, будет нагреваться и превращаться в пар, приводящий в движение турбины и моторы. Если учесть, что 5 килограммов U-235 могут заменить как источник энергии больше 25 тысяч тонн каменного угля, легко себе представить, какое огромное революционизирующее промышленность значение может иметь этот элемент.

По словам профессора Даннинга, сообщает «Нью-Йорк таймс», разработка установки, позволяющей выделить большие количества U-235,— единственный шаг, который остается сделать для применения U-235 в промышленности. Но шаг этот очень труден. Результаты ведущихся сейчас в этом направлении работ ввиду их громадного практического значения, по словам газеты, будут сообщены только правительству США.

«Нью-Йорк таймс» отмечает, что U-235 может быть использован и как непосредственное орудие разрушения: 500 граммов его, по приблизительным подсчетам, могут заменять около 15 тысяч тонн такого сильного взрывчатого вещества, как тринитротолуол.

ГИДРОСАМОЛЕТ НА ПОМОЩЬ РЫБОЛОВУ. Недавно в Америке появился новый вид рыболовного спорта—ловля рыбы с гидросамолета. Для такой ловли требуется, кроме легкого гидросамолета и обыкновенных рыболовных принадлежностей, еще набор разноцветных воздушных шариков.

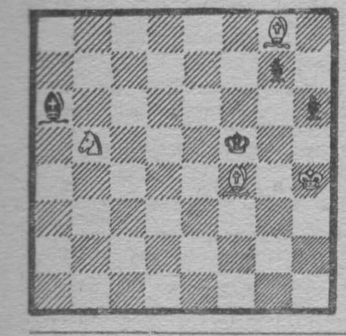
Сидя в своем гидросамолете, рыбак перед ловом подготовляет снасти. Они основаны на том же принципе, что и при ловле обычными кружками, известными у нас в СССР. В продолговатых больших поплавках делаются три — четыре отверстия, сквозь которые и пропускается леска с крючком и приманкой на конце. К каждому поплавку привязывается разноцветный шарик-буек. Когда снасти готовы, рыболов поднимается над водой и высматривает косяки рыбы, которые очень хорошо видны с воздуха.

Найдя хорошее место, рыболов сбрасывает за борт гидросамолета снасти, которые благодаря привязанным шарикам плавно опускаются, и лески с насадкой погружаются в воду. Разноцветные шарики стоят над поплавками и показывают их местонахождение. Когда все снасти спущены на воду, рыбак отлетает на некоторое расстояние и производит посадку. Тихо покачиваясь в гидросамолете, рыбак наблюдает за воздушными шарами. Когда наступает время, он объезжает разноцветные буи и вытаскивает снасти.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

Одной из основных тем, на которую составлялись шахматные этюды с самого зарождения шахматной композиции, является тема «ловли фигур», или «доминации». Обычно в начальной позиции таких этюдов соотношение материала не дает возможности белым выиграть. И только в результате тонкой игры белым удается поймать одну из черных фигур, что дает возможность добиться выигрыша. Приводим пример этюда на тему «доминации» советского мастера композиции Л. Кубеля.



Белые: Крс5, Са8, Ке3 п.а7 (4).

Черные: Кра6, Ch7 п. g6 (3).

Белые начинают и выигрывают.

Пешку а7 белым сохранить невозможно. Поэтому их единственная надежда добиться победы — выиграть черного слона h7.

1. Са8 — е4! Кра6 : а7.
2. Ке3 — d5 . . .

Грозит 3. Kf6, после чего слон и конь белых матуют черного короля. Ответ черных вынужден.

2. . . . Ch7 — g8.
3. Kd5 — е7 Cg8 — f7.

Несмотря на кажущуюся свободу у черного слона нет хорошего поля.

Если 3. Ch7, то 4. Крd6 Крb8 5. Крd7! и затем уже белые подходят королем и забирают слона.

Сразу проигрывает 3. .. Са2 4. Кс6+ и 5. Кb4+ Наконец 3. ... Cb3 теряет слона после 4. Кс6 + Кра6 5. Cd3 + Крb7 6. Ка5 +. При отступлении слона на е6 путь к выигрышу остается таким же, как и при отступлении на f7.

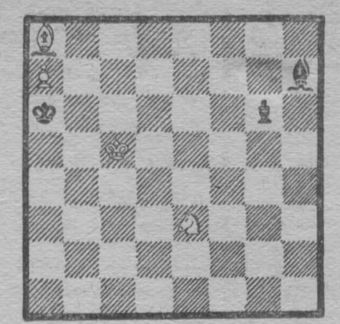
4. Ке7 — с6+ Кра7 — а6
5. Се4 — d3+ Кра6 — b7
6. Кс6—d8+ и выигрывают.

В этюдах на тему «доминации» обычно ловятся ферзь, ладья, слон или конь.

Приводимые ниже два примера своим финалом имеют позиции, где ловится черный слон.

ЭТЮД № 11

В. НЕЙШТАДТ



Белые: Кре1, Cg7, Kd4 (3).

Черные: Кре3, Сс1 (2).

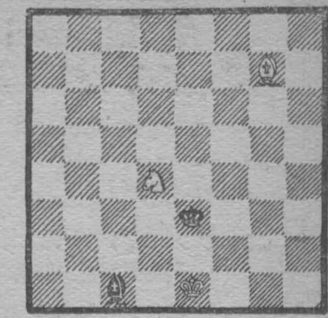
Белые начинают и выигрывают.

Соотношение борющихся фигур в данном этюде сведено до минимума. Белые используют несколько стесненное положение черного слона и с помощью двойных ударов выигрывают его.

Некоторую трудность представляет нахождение второго хода белых.

ЭТЮД № 12

Л. КУББЕЛЬ



Белые: Крh4, Cf4, g8 Кb5 (4).

Черные: Крf5, Са6, пп. g7, h6 (4).

Белые начинают и выигрывают.

У белых две фигуры под боем. Коня b5 они могут увести с темпом, но здесь черным на помощь приходит угроза вилки g7 — g5 +. В результате эффектного и трудно находимого маневра белого короля создается позиция, в которой черный слон оказывается пойманным.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» В. Н. КАМАШЕВ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Архитектурное сооружение.
4. Название крупнейшего совхоза.
8. Греческий философ.
11. Изоляционный материал.
17. Нота.
18. Древний город в Азии.
19. Чудовище в древнегреческой мифологии.
20. Русский архитектор.
21. Река в Ломбардии.
26. Персидский царь.
27. Глубокий, узкий, разветвленный залив.
29. Знаменитый архитектор эпохи Возрождения.
30. Греческая богиня-воительница.
32. Французский ученый-физик.
33. Французский архитектор, автор колоннады Лувра.
34. Снопы, составленные вместе.
35. Оптический обман.
36. Орудие письма в древности.
43. Река, впадающая в озеро Балхаш.
44. Музыкальный строй.
45. Известная скульптура Праксителя.
46. Детский курорт в Крыму.
47. Фламандский живописец.
48. Одна из частей «Божественной комедии» Данте.
49. Столб, несущий нагрузку.
52. Прессованная бумага.
53. Итальянский дворец.
56. Местоимение.
61. Болотное растение.
62. Английская хандра.
63. Знаменитый греческий архитектор-скульптор.
64. Металл.
71. Типографский знак.
72. Итальянский живописец.
73. Сплав.
74. Озеро в Северной Америке.
75. Французская монета.
80. Женское имя.
81. Мечта.
83. Украшение.
84. Комната для приема гостей.
86. Глаз.
87. Римские бани.
88. Старинный танец.
89. Город на Черноморском побережье.
90. Стиль в искусстве.
97. Порт в Финляндии.
98. Крупный морской хищник.
99. Известное сооружение в Риме.
100. Растение с колючими листьями.
101. Насекомое.
102. Первая буква старого русского алфавита.
103. Стиль в архитектуре.
106. Примечание под текстом.
107. Ударный инструмент в оркестре.
110. Часть корабля.
115. Известный немецкий археолог.
116. Первый шейный позвонок.
117. Овощь.
118. Место работы мастеров искусства.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Государственный деятель в древних Афинах.
2. Древнее название реки Волги.
3. Дерево.
5. Гнет.
6. Мера земли.
7. Итальянский живописец.
8. Французский ученый.
9. Немецкий физик.
10. Женское имя.
12. Число.
13. Животное.
14. Параллель, разделяющая землю на северное и южное полушария.
15. Архитектурное оформление входа в здание.
16. Знаменитая скульптура Микель-Анджело.
22. Кровеносный сосуд.
23. Старинный метод ведения морского боя.
24. Известный русский художник.
25. Скульптура Фидия.
27. Древнеримская площадь.
28. Портовый рабочий в Англии.
30. Стремительное наступление.
31. Верхняя часть здания.
37. Морской разбойник.
38. Ион, несущий отрицательный заряд.
39. Царь Трои.
40. Греческий скульптор.
41. Чувство боязни.
42. Часть здания.
50. Болотная трава.
51. Княжество в Азии, подвассальное Великобритании.
54. Юридический термин.
55. Святилище в древних храмах.
57. Бог грома в скандинавской мифологии.
58. Римский папа.
59. Римский император.
60. Один из островов в Индонезии.
65. Краска.
66. Село в СССР, известное своим народным изобразительным искусством.
67. Хищное животное.
68. Древнегреческий поэт.
69. Музыкальный инструмент.
70. Город во Франции.
76. Известный русский зодчий.
77. Подразделение римского легиона.
78. Место для спортивных соревнований.
79. Скульптура Поликлета.
81. Последовательность звуков, или тонов.
82. Часть капители колонны ввиде плиты.
84. Шар.
85. Личинка насекомого.
91. Пролив.
92. Полусферическое перекрытие.
93. Заложник.
94. Представитель народности Северного Кавказа.
95. Известная картина Тициана.
96. Название папируса в древности.
104. Порода попугаев.
105. Домашнее животное.
108. Селение у крымских татар.
110. Документ.
111. Нота.
112. Движение в танце.
113. Нота.
114. Отравляющее вещество.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В «ОГОНЬКЕ» № 17—18

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Топ. 4. Ворот. 6. Пароход. 8. Перо. 9. Окоп. 11. Мор. 12. Суд. 14. Нос. 16. Гарем. 18. Капер. 20. Потолок. 22. Мотовоз. 24. Тор. 25. «Коновалов». 27. Гам. 29. Надел. 31. Монитор. 32. Капот. 34. Рара. 35. Юз. 36. Посев. 37. Ли. 38. Ялик. 39. Барак. 41. Поворот. 43. Ритор. 45. Сор. 46. Балакирев. 48. Шах. 49. Какодил. 51. Колония. 53. Курия. 55. Терем. 56. Киш. 57. Гак. 59. Фот. 60. Сало. 62. Урон. 64. Хинолин. 66. Колос. 67. Реп.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Коро. 2. Торос. 3. Поход. 4. Вар. 5. Ток. 6. Перелом. 7. Донатор. 8. Порок. 10. Попов. 11. Мат. 13. Ус. 15. Сев. 16. Горе. 17. Монополия. 18. Коловорот. 19. Рога. 20. Подарок. 21. Коновал. 22. Материк. 23. Запятая. 24. Тарас. 26. Висок. 28. Молох. 29. Наб. 30. Люк. 32. Кир. 33. Тир. 40. Арак. 41. Падишах. 42. Телефон. 44. Ишим. 46. Борис. 47. Ворон. 50. Кук. 52. Нет. 54. Ра. 57. Гонор, 58. Кулон. 61. Лик. 63. Рис. 65. Олег.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. № К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. ⅛ доля, 1½ бум. листа. Техредактор А. Котельникова.

Уполномоченный Главлита А—28912. Изд. № 637. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 27/V—40 г. Подписано к печати 27//VI—40 г. Зак 1993. Тираж 300 000,

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ „ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ"

С 1 июля 1940 года подписная цена на „Пионерскую правду" увеличивается. Теперь газета будет стоить 75 копеек в месяц.

С теми подписчиками, которые еще раньше подписались на «Пионерскую правду» на июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, будет сделан такой перерасчет:

Те, кто в марте подписался на четыре и пять месяцев, получат газету в июле без доплаты.

Те же, кто подписался на шесть месяцев, будут получать ее только в июле и августе.

Тем, кто подписался на семь и восемь месяцев, газета будет высылаться в июле, августе и сентябре.

Есть ребята, которые в марте подписались на девять месяцев, то есть до конца года. Им газету будут высылать только до 1 октября. Но, доплатив 1 рубль 80 копеек, они будут получать газету и в октябре, и в ноябре, и в декабре. Доплачивать эти деньги можно будет на почте, которая доставляет газету, но только до 10 сентября. Нужно принести с собой старую квитанцию. Если вы ее потеряли, заявите об этом на почту, и вам найдут вашу карточку формы № 4.

СКОРО НА ЭКРАНЫ СОЮЗА ВЫХОДЯТ НОВЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ **ФИЛЬМЫ**

ПРОИЗВОДСТВА МОСКОВСКОЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА КИНОСТУДИИ „МОСФИЛЬМ"



Автор сценария—**В. Ардов.**

Режиссер — заслуж. деятель искусства орденоносец **Г. Александров** (постановщик широко известных в нашей стране фильмов „Веселые ребята", „Цирк" и „Волга-Волга").

Главный оператор — **А. Левшин.**

Музыка заслужен. деятеля искусства орденоносца **И. Дунаевского.**

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

Заслуженная артистка республики орденоносец **Л. Орлова.**

Заслуженный артист республики орденоносец **В. Володин.**

Артист **Е. Самойлов.**

Закон жизни



Автор сценария — писатель-орденоносец **А. Авдеенко.**

Режиссеры — **А. Столпер, Б. Иванов.**

Оператор — **С. Уралов.**

Композитор — **Н. Крюков.**

Текст песен поэта-орденоносца **В. Гусева** и **М. Светлова.**

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

Нина Бабанова — артистка **Е. Кондратьева.**

Наташа Бабанова — артистка **Н. Зорская.**

Огнерубов — артист **А. Лукьянов.**

Сергей Паромов — артист **Д. Сагал.**

СМОТРИТЕ НОВЫЕ ФИЛЬМЫ „ЗОЛУШКА" и „ЗАКОН ЖИЗНИ"

ВЫПУСК „ГЛАВКИНОПРОКАТА"

Огонек
Цена 50 коп.

